

СЕЛИНА КАТРИН

ВТОРОЙ ШАНС
ДЛЯ
МНОГОХВОСТОЙ
ЛИСИЦЫ

Селина Катрин
Второй шанс для
многохвостой лисицы
Серия «Очень тёплая Азия», книга 3

*<https://litres.ru/74387328>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В обмен на жизнь любимого я отдала богине всё: магию, таланты и статус благородной леди. Казалось, всё прошло успешно... Но богиня посмеялась и повернула время вспять: теперь жених не помнит меня, а моё место рядом с ним заняла «лучшая» подруга.

Что ж, если леди из меня не вышло — всегда можно стать воительницей! Теперь я осваиваю меч вместо кисти для каллиграфии. Сражаться с монстрами оказалось куда проще, чем вернуть внимание бывшего жениха. Но я не сдамся — у меня есть второй шанс, и на этот раз я сыграю по своим правилам!

Содержание

Глава 1. Сделка с богиней	4
Глава 2. Урок рисования	9
Глава 3. Правое Крыло Дракона	25
Глава 4. Семья	35
Глава 5. Павильон Зимних Слив	47
Глава 6. Приглашение	58
Глава 7. Цветение Сакуры под Луной	71
Глава 8. Подлый фонарь	83
Глава 9. Таланты	94
Гла	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Второй шанс для многохвостой лисицы

Глава 1. Сделка с богиней

— Не смей закрывать глаза! Слышишь?! Миран, не смей умирать! — Собственный голос дрожал, как надорванная струна. — Богиня, если ты существуешь, верни мне любимого!

Кровь, смешиваясь с моими слезами, стекала по ладоням, тёплая, липкая, как летний дождь, но он уже не чувствовал её. Любимые карие глаза закрылись. Я тормошила Мирана вновь и вновь, пыталась дозваться, хотя в душе понимала — всё кончено.

Он умер.

Где-то за защитным куполом дворца бесновались тени Мёртвых душ, завывая словно бешеный ветер, слышались лязг мечей и стоны воинов, но для меня весь мир сузился до бездыханного тела мужчины, зияющей раны в его груди и алых пятен, пропитавших шёлковое кимоно.

— Богиня Веретена! Великая Прядильщица Судеб! — сорвалось с губ, уже не молитва, а яростный крик. — Зачем мне жить, если Миран умрёт?!

Увы, никто не ответил.

Я же смотрела на белое, как первый снег, лицо Мирана и думала о том, что с его последним дыханием моя собственная жизнь теряет все краски. Зачем жить без него? Взгляд упал на рукоять кинжала, спрятанного в высоком мужском сапоге. Холодная сталь манила, обещала единственный путь к нему. Я схватила рукоять, и пальцы сжались. Последний шанс быть вместе.

Миран — тот, кто попросил моей руки. Миран — тот, кого я полюбила с первого взгляда, Миран... совсем скоро мы увидимся с тобой! Говорят, боги милостивы и любящие души перерождаются так, чтобы вновь встретиться.

— Прощай... или, вернее, до скорой встречи, любимый, — выдохнула я и занесла клинок над собой.

Но мир взорвался светом. Вспышка резанула даже сквозь зажмуренные веки, а следом разнёсся голос — не человеческий, слишком сильный и властный, чтобы послушаться:

— Стой!

Приказ ледяным хлыстом ударил по нервам. Рука онемела, тело замерло, будто кто-то перерезал нити моей воли. Шум сражения за дверьми ушёл куда-то в бездну, звуки стали глухими, чужими. Я моргала, пыталась разглядеть хоть что-то, но видела только сияние... и чувствовала дыхание за спиной, невидимое, холодное, божественное.

— Стой, Элирия! — прогремело за спиной. — Не смей лишать себя жизни! У тебя другая судьба!

— Какая же?! Я не хочу жить без него!

Горячие и обжигающие слёзы катились по лицу, неприятно проникали за ворот, но я всё ещё не могла пошевелиться.

— У тебя другая судьба, Элирия, — вновь пророкотало со всех сторон, но уже существенно мягче. — Я вижу будущее, поверь мне. Всё будет хорошо.

— Не верю! Верни мне Мирана!

Наверное, спорить с богиней — дерзость, за которую наказуют молниями. Но у меня разрывалось сердце от боли, и терять было уже нечего.

— И чем же ты готова заплатить за его возвращение? — внезапно прозвучало насмешливо.

— Всем! — тут же выпалила я без раздумий, и — о чудо — рука с клинком сама собой опустилась на колени. Я вновь чувствовала собственное тело.

— Всем? Ты же ведь понимаешь, маленькая кицунэ, что боги не берут оплату золотом?

Я моргнула — и сияние вокруг дрогнуло. Из белого тумана шагнула высокая и воистину ослепительно прекрасная женщина. Её движения были медленны и завораживающе плавны, словно она скользила по воздуху. Длинное кимоно обнажало плечи и спадало до самых пят, переливаясь серебром и золотом.

«Маленькая кицунэ» — так назвала меня богиня за вторую ипостась. В образе лисы у меня прорезалось уже четыре хвоста, и для моего возраста это считалось очень много. Сведущие в оборотничестве говорили, что в будущем из ме-

ня получится магически одарённая многохвостая лисица. И хотя я происходила совсем не из благородного рода, с появлением третьего хвоста многие стали ко мне обращаться «леди», добавляя суффикс «сан» после имени.

Намёк был яснее некуда.

— Я отдам тебе все свои хвосты, богиня, если сердце Мирана вновь забьётся.

— Ты же понимаешь, что без хвостов лишишься магии?

— Понимаю.

— И поди все свои женские таланты отдашь? — насмешливо уточнила собеседница.

— Женские таланты? — эхом откликнулась я.

— Рисование, каллиграфия, пение, игра на музыкальных инструментах, — принялась перечислять богиня то, чем я усердно занималась всю жизнь, с тех пор как мне исполнилось пять.

Мама всегда твердила, что если я хочу попасть в высшее общество и жить во дворце самих принцев Аккрийских, то обязана быть женственной. Но что значит вся эта показная шелуха рядом с жизнью того, кто был моим дыханием?

— Конечно же отдам! — с надрывом воскликнула я. — Всё! Пожалуйста, только оживи Мирана!

— А ты уверена, что твой жених пошёл бы на такие же жертвы ради тебя?

— Разумеется!

Тяжёлый вздох был мне ответом. Богиня сокрушённо по-

качала головой.

— Элирия, у тебя вся жизнь впереди. Я это чётко вижу на веретене судьбы: нить Мирана оборвалась сегодня, но твоя — длинная и пройдёт через года...

— Но я не хочу жить без него!

Глаза вновь запекло. Неужели Великая Прядильщица Судеб настолько жестока, что откликнулась на мой зов лишь затем, чтобы посмеяться и не выполнить просьбу?

— Ладно, — внезапно решила богиня. — Я выполню твоё желание в обмен на хвосты, магию и прирождённые таланты. Миран будет жить.

— Правда? — Голос сорвался на шёпот. Я боялась спугнуть это чудо. Я не просто дозвалась богиню, но и заключила с ней сделку? Мне это не снится?

— Правда. Вот только я сделаю всё по-своему. Возможно, это будет даже интересно...

Интересно? О чём она? Я облизала губы, чтобы уточнить, как именно богиня будет оживлять Мирана, но в этот момент мир внезапно посветлел ещё сильнее, закружился, и я провалилась в густой тягучий сон.

Глава 2. Урок рисования

— Элирия, вставай! Элирия, сколько можно валяться? Опять проспишь занятия с уважаемым Томеро-саном! Мы с отцом больше не заплатим за тебя ни скрипта[1], всё равно бессмысленно! Деньги на ветер!

Я тряхнула тяжёлой, будто бы набитой железной стружкой головой и осмотрелась, цепляясь взглядом за обстановку спальни: тонкий матрас и потёртое одеяло, набитое ватой, маленький низкий столик у стены, где стопкой валялись старые свитки и потрескавшийся от времени чернильный набор, деревянный сундук у стены... Нет, всё, конечно же, выглядело привычным — это была моя личная комната в родительском доме, — вот только я уже несколько лет как **не жила в ней.**

Как я здесь оказалась?

— Элирия, ты проснулась? — Голос матери вновь раздался где-то недалеко из-за бумажной перегородки.

— Да-да, мам, я уже встала! — торопливо откликнулась, стряхивая с себя липкую паутину сна.

Отодвинула одеяло и замерла, уставившись на свою простенькую голубую пижаму. Что за чушь? Последние годы во дворце я спала в тонких лёгких платьях, а тут... будто кто-то вырвал меня из прежней жизни и вернул в прошлое.

— Тогда одевайся и спускайся завтракать. Да поторапли-

вайся, а то Томеро-сан ждать не станет, начнёт занятие без тебя. Сегодня рисунок дворца Аккрийских на пленэре, помнишь?

— Хорошо...

Голова кружилась, память давала о себе знать рваными обрывками. Прорыв из Нижнего Мира, нашествие Мёртвых душ, паника во дворце, последние минуты с Мираном... ярко-алая кровь повсюду, отчаяние, мольба к богине... Сделка.

Миран!

Он жив? Прядильщица Судеб сдержала слово?

Сердце сорвалось в безумный бег, и я торопливо бросилась к сундуку, где хранились кимоно. Пальцы подрагивали, когда я перебирала аккуратные стопки ткани, мысли путались. Я же не сошла с ума, верно? Богиня Веретена мне не примерещилась?

Не найдя выходного розового шёлкового кимоно с цветочным узором, в котором я обычно посещала занятия Томеро-сана, я надела первые попавшиеся штаны и удлинённую тунику. Не женственно, не изящно, но плевать. Мне надо как можно скорее узнать правду!

Я уже приготовилась к лекции — вот сейчас мама обязательно вспомнит, какое восхитительное кимоно они с отцом подарили мне на праздник зимы и как «стыдно» держать такую красоту запертой в сундуке, будто я прячу государственную тайну. Но вместо этого она лишь мазнула по мне взглядом — быстрым, проверочным, как будто отмеча-

ла: жива, цела, голова на месте, — и молча поставила передо мной миску с горячей рисовой кашей.

Я взялась за деревянные палочки, повертела их в руках, пытаюсь набраться смелости, и решилась:

— Мам... а ты не знаешь, как себя чувствует Миран?

— Кто такой Миран? — Вопрос прозвучал так буднично, что я застыла, не донеся рис до рта.

«В смысле кто?! Мой жених, мой свет, мужчина, с которым вы сами благословили на свадьбу!» — хотела выкрикнуть это вслух, но мама опередила, цокнув языком:

— Ох, Элирия, учу-учу тебя этикету, а толку... Стыдно должно быть! Даже основ не знаешь до сих пор! О незнакомом мужчине приличная девушка скажет «уважаемый господин Миран» или хотя бы «Миран-сан».

Она театрально вздохнула, закатила глаза и покачала головой так, будто я только что опозорила весь наш род.

— Святые духи, за что нам такое наказание? Обе твои сестры — и пишут красиво, и поют как соловьи, ещё в девятнадцать вышли замуж... А ты? Хотя бы один талант у тебя открылся, хоть крупица женственности!

«Вообще-то, у меня есть таланты!» — хотела возмутиться, но тут же прикусила щёку.

Вспышкой мелькнули слова Прядильщицы Судеб — «хвосты, магия, таланты... в обмен на его жизнь». Я отдала всё. И, похоже, плата уже начала действовать. Странно только, что родители не помнят Мирана и не знают, что я по-

молвлена. Но это поправимо... Главное, чтобы он был жив, иначе все жертвы окажутся пеплом.

Я проглотила завтрак, едва распробовав вкус, и схватила сумку с рисовальными принадлежностями. Время поджигало, Томеро-сан действительно строгий учитель, ждать не станет.

Солнце мягко скользнуло по плечам, как только я выскочила за порог. Лёгкие наполнились свежестью утренней травы и нежным ароматом первых цветков сакуры. Ветер подхватывал тонкие розовые лепестки и кружил в воздухе, будто небесная рука сыпала цветочный дождь прямо с облаков.

Я невольно остановилась у ворот. Дом... Сад... Старый каменный фонарь, покрытый сине-зелёным мхом... Всё выглядело до боли родным и знакомым. Девять лет дворцовой жизни стёрли из памяти эти восхитительные запахи и ощущение уюта родительского дома. Я так привыкла к помпезным коридорам, напольным фарфоровым вазам и многочисленным коврам дорожкам, что совсем забыла, как прекрасно пробежаться по утоптанной земляной дорожке и перепрыгнуть пруд, опираясь на высокий бамбуковый шест.

Конечно, во дворце жить — одно удовольствие, но к родителям надо показываться почаще, а то они ещё решат, что я окончательно растворилась в роскоши и теперь питаюсь солнечными лучами и придворными интригами. Интересно, что же я такое сказала старшей придворной даме, что она меня отпустила? Обычно у неё выражение лица, как у человека,

который вот-вот объявит войну соседнему королевству. Девушек она выпускает из дворца примерно раз в год... ну ладно, два — и то если родители при смерти или кто-то срочно нуждается в героическом уходе.

— А, юная Элирия соизволила явиться! Время — это река, а вы, барышня, всё плетётесь позади течения, — ворвался в мои мысли звонкий старческий голос.

Я вскинула взгляд и тут же поклонилась сухощавому преподавателю рисования с выправкой, какой позавидовали бы многие воины. Его седые волосы, собранные в тугой узел, сияли серебром в солнечном свете, а белёсая борода слегка колыхалась от дыхания.

— Простите мою непунктуальность, уважаемый Томе-ро-сан. — Слова слетели с губ быстрее, чем я успела вдохнуть.

— Извинения подобны осенним листьям. Их много, но толку мало. Пусть кисть ваша сегодня будет проворнее ног, Элирия.

— Непременно, учитель. — Я всмотрелась в непривычно гладкое лицо Томе-ро-сана, бороду, которая показалась короче обычного, и не смогла не отметить: — Вы сегодня выглядите особенно молодо.

— Лесть не откроет двери мастерства. — Несмотря на то что он воспринял мои слова за попытку сгладить опоздание, вокруг глаз пожилого мужчины всё равно образовались лучики-морщинки. — Я поставил ваш мольберт как обыч-

но, около западной стены, Элирия. Там сегодня распустилась дивная вишня. Быть может, её красота вдохновит и вы нарисуете нам сегодня что-то не менее прекрасное?

— Как обычно? Но я всегда рисую у пруда... — начала я и осеклась под строгим взглядом. — Разумеется, Томеро-сан. — Поклонилась повторно, сложив руки на груди. — Я стараюсь вас порадовать.

Учитель пробормотал себе под нос что-то невнятное и отвернулся. Девушки, сидевшие у своих мольбертов, тут же выпрямились, будто им только что дали невербальный приказ. Томеро-сан медленно пошёл вдоль ряда, останавливаясь за ученицами. Его руки иногда покачивались за спиной, иногда тянулись к листам, будто хотели подправить мазок, но в последний момент возвращались на место.

Я недоуменно посмотрела на спину мастера. Он действительно выглядит сегодня как-то особенно хорошо. Куда-то пропала морщина между бровей, которая появилась у него после смерти внука, да и ощущение такое, будто он только-только освежился у чародея ножниц... Впрочем, счёл лостью — и ладно.

Я направилась к указанному учителем месту, аккуратно достала из сумки свиток рисовой бумаги, бережно развернула и закрепила, затем на свет появилась небольшая лакированная коробочка, каждая ячейка которой наполнена пигментами, растворёнными в воде и загущёнными мёдом, и кисти с волосяными наконечниками. Осмотрелась.

Всё было как-то неудобно и непривычно. Свет падал криво, оставляя пол-листа в тени, а другую половину — ослепительно-белой, так что глаза уставали. Табурет шатался, так как трава в этом месте росла неровно. Я попыталась устроиться удобнее, переставила баночку с водой, подвинула станок для рисования, но ощущение чуждости только усилилось.

Нет, определенно, в этом месте нет вдохновения! Вот то ли дело у пруда, когда солнце падает сквозь крону деревьев и иголки вековой сосны. В том месте я с Мираном, между прочим, познакомилась, как раз когда рисовала около года назад. Оно вообще моё любимое!

Я выждала, пока Томеро-сан отвернётся, и как только его фигура растворилась среди других учениц, схватила краски, прижала к груди мольберт и, стараясь не издавать ни звука, бегом устремилась к пруду. Сейчас я быстро выведу пару эскизов для Томеро-сана, пусть будет доволен... А потом — хоть пешком, хоть ползком, но я найду любимого мужчину! Мне нужно увидеть его, услышать его голос, убедиться, что он жив, что сделка с богиней не оказалась иллюзией, иначе я сойду с ума.

У пруда под раскидистой кроной всё было по-другому. Здесь каждая линия всегда ложилась на бумагу легко, будто кисть сама знала, что рисовать. Увы, сегодня место оказалось занято.

Стоило обойти пригорок, как взгляд зацепился за фигуру

девушки в нежно-персиковом кимоно. Тонкая талия, гладкие как шёлк чёрные волосы, собранные в изящный узел, из которого сбежала непокорная прядь. Я даже шаг замедлила, не сразу поняв, кто занял моё место, и, лишь всмотревшись, облегчённо выдохнула.

Да это же Ханами! Моя лучшая подруга, с которой мы делим одну комнату во дворце, секреты и шёпоты перед сном. Как же я могла не узнать её? Причёска и украшения совсем другие... Вот уж воистину мир умеет разыгрывать меня на пустом месте.

— Эй, Ханами! — Я замахала рукой издалека, но она лишь недоумённо посмотрела в мою сторону, пожала плечами и вновь отвернулась.

Не поняла. Почему со мной не поздоровались?

— Эй, Хана... — начала я и тут же осеклась.

Подруга сидела около сосны, и, лишь обойдя её сбоку, я вдруг увидела, что она говорит, да не с кем-то, а с Мираном! Сердце подпрыгнуло к горлу, сбилось с ритма, будто кто-то ударил в невидимый барабан прямо в груди.

Миран.

Я не видела его всего ночь... А казалось, что целую вечность прожила без него!

Он стоял прямо перед подругой, боком ко мне, спиной опирался на ствол, и золотой свет ложился на его волосы, превращая их в струи расплавленной меди. Каштановая, с янтарными вставками форма дворцовой стражи ему беско-

нечно шла! Чёткая линия скул, прямой нос, улыбка на губах — и всё внутри меня разом ожило, словно весна ворвалась в кровь.

Миран щурился на яркое солнце, что-то говорил, а когда он слегка наклонился к Ханами, я заметила, как кончики его волос мягко соскользнули с плеча, и невольно вспомнила, как они щекотали мою щёку, когда он обнимал меня. Такой спокойный, такой живой, такой мой...

Богиня, он жив!

Но ещё один шаг — я чуть не споткнулась.

— ...Я видел моря и горы, но ни одна вершина, ни один закат не смогли так пленить меня, как вы одним лишь взглядом, — достиг моих ушей бархатный баритон любимого мужчины. — Ваш рисунок бесподобен! Он словно дыхание весны, сотканное из лепестков и света. Такой тонкий живой штрих, будто сама природа велела вам держать кисть.

Я замерла. Это были ровно те слова, которые Миран сказал при нашей первой встрече. Один в один! Почему он говорит тот же самый комплимент моей подруге? В горле сам собой образовался царапающий ком. А как же я?

— Ваши слова крадут дыхание, Миран-сан. Моё сердце может привыкнуть к ним, — ответила подруга и смущённо захихикала.

Я не выдержала и подошла к ним вплотную.

— Какое счастье видеть вас, Миран!

Оба повернулись почти синхронно. На лице Ханами

мелькнуло раздражение, сменившееся откровенным недоумением, а на лице жениха отразилось неузнавание. Словно кто-то стёр меня из его памяти, оставив лишь пустое место. Такие знакомые и родные глаза смотрели на меня холодно и недоумённо. Я была для него обычной прохожей, случайно вторгшейся в чужой разговор.

Сердце сжалось. Воздух вокруг стал вязким, каждая секунда тянулась мучительно долго. Я открыла рот, но слова застряли в горле. Хотелось броситься к нему, обнять, убедиться, что он настоящий, живой, мой... Но ноги приросли к земле.

— О-о-о... это моя соученица по рисованию, Элирия. Простите, Миран-сан, её невежество. Девушка из деревни, дворцовому этикету не обучена. — Ханами сложила руки и вежливо поклонилась, а затем развернулась ко мне. Глаза её метали молнии. — Элирия, это уважаемый огненный клинок Миран-сан! Неужели ты не видишь?

«Конечно же я его знаю! Это мой жених!» — пронеслось в голове.

Здесь, на главном острове Огненного Архипелага, где был построен дворец правящего рода драконов, всю дворцовую стражу называли огненными клинками в честь магии принцев. Цвета их одежды имели особый смысл: оранжевый с переходом в красные и жёлтые оттенки символизировал несокрушимое драконье пламя, коричневый вплоть до чёрного — угли. Чем выше огненный клинок стоял в иерархии, тем

больше яркого цвета допускалось в форме. Так, у Мирана рукава формы всегда были янтарно-жёлтыми, а ещё на груди и спине был вышит символ того, кому он служит, — дракон, и в этом рисунке использовались золотые нити!

Даже человек с очень плохим зрением не мог не заметить формы огненных клинков! Но прежде чем я что-то произнесла вслух, вмешался сам Миран.

— Простите.... Элирия? — Он слегка нахмурился, словно пытался вспомнить, где слышал это имя, но в его взгляде отсутствовало привычное тепло. Только вежливое осторожное любопытство, как будто перед ним стояла девушка, обратившаяся не по статусу. — Мы знакомы?

Словно мороз прошёлся по коже. Всё внутри застыло, а потом болезненно рухнуло куда-то в пустоту.

«Мы знакомы?» — эхом отозвалось в голове.

Он не узнал меня.

Миран, чью голову я держала на коленях, пока молила богиню.

Миран, который дал слово, что женится.

Миран, чьё имя я кричала в отчаянии, обнимая окровавленное тело...

А теперь он стоит передо мной с тем же выражением лица, с каким смотрят на служанку, заблудившуюся в дворцовых садах.

Как это вообще произошло? Почему так?!

— Простите, Миран-сан, — выдохнула я, склоняя голо-

ву так низко, как только позволяла гордость. Голос дрожал, но я старалась не выдать обуявших чувств. — Я ошиблась... Я слышала ваше имя, вот и произнесла без должного почтения...

Я судорожно сжимала древко переносного мольберта, пытаясь подобрать хоть какую-то адекватную причину своему поведению.

— До меня дошли вести, что вчера во дворце был прорыв Мёртвых Душ и полегло много людей и оборотней среди огненных клинков. Я лишь хотела узнать... всё ли хорошо закончилось для вашего отряда.

— Прорыв Мёртвых Душ?! — Медные брови Мирана взмыли высоко на лоб, а в голосе послышалось неподдельное изумление. — К счастью, таких прорывов на Огненном Архипелаге уже много лет не было. Да и бояться эти убогие драконьего пламени, никогда не появятся. На Большой Земле вдали от драконов — ещё могу поверить, но чтобы во дворце? Кто вам сказал такую нелепицу?!

Он бросил быстрый взгляд на Ханами, та молча пожала плечами, и от её безмятежности у меня внезапно похолодели ладони. Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё опускается в пустоту.

Выходит, не было никакого прорыва Мёртвых Душ? Но не могла же Прядильщица Судеб отменить его? Нет-нет-нет, она могла лишь распустить полотно ради меня, вернуть обратно... Но когда? В какой момент? Неужели на год назад, в

день знакомства с женихом?

Словно бы отвечая на не заданный вслух вопрос, от дворцовой стены отделился прислужник в светло-сером халате. Мелко семеня и постоянно кланяясь, он уже издалека бросился в нашу сторону с криком:

— Уважаемый Миран-сан! Нисходящий указ для вас!

Миран-сан напрягся, принимая свиток, а я прикусила щёку. Если это действительно день знакомства, то я знаю, что внутри.

Мой жених-из-прошлой-жизни тем временем развернул указ и вчитался. Чем дальше он читал, тем больше светлело его лицо. Конечно... ведь это была фактически награда для огненного клинка. Повторно пробежавшись взглядом по бумаге, Миран посмотрел на подругу:

— Прекрасная Ханами-сан, не выразить словами моего волнения... Через неделю во дворце состоится великое торжество — Цветение Сакуры под Луной. Примете ли вы моё скромное приглашение и составите ли пару в этот особенный вечер?

...В голове стало пусто и гулко.

Цветение Сакуры под Луной. Тот самый праздник. Деревья цветут каждый год, но согласно чтецам снов и знаков считается дурным тоном давать этому событию одно и то же название. Два года назад это был Танец Лепестков и Воды, потому что шли мелкие дожди, три года назад — Ночь Цветущих Сердец, а четыре года назад все семь принцев

Аккрийских оказались настолько заняты, что бал так и не устроили. Итого, Прядильщица Судеб сыграла со мной злую шутку — она перенесла меня на год назад, в день, когда я познакомилась с Мираном.

Сразу же встали на свои места многие сегодняшние странности: внезапная амнезия у мамы и неожиданно свежий вид у учителя рисования, отсутствие у него морщинки между бровей и укороченная борода. Последняя просто ещё не отросла, а его внук пока не умер.

Всё это пронеслось в мыслях ровно за какие-то мгновения, как и явно радостный ответ Ханами, что она, конечно же, «за» и будет счастлива составить компанию огненному клинку на торжестве.

Мы стояли именно здесь, под этой сосной, когда он тогда, в прошлой жизни, протянул мне точно такой же свиток. Всё начиналось с этого мгновения. С этого праздника. С этой встречи.

Я как зачарованная смотрела, как Ханами флиртует с моим мужчиной, соглашаясь на торжество. Глаза жгло от злых слёз несправедливости, но что я могла поделать? В тот момент, когда Миран наклонился к подруге, чтобы якобы убрать лепесток с кимоно Ханами, мольберт, кисти и краски выпали из моих рук на траву. Я резко развернулась и быстро-быстро, насколько позволяли приличия, зашагала прочь.

Как это могло произойти? Как?!

Нет, понятно, что богиня отправила меня на год раньше,

но почему всё складывается совсем иначе? Это же ведь я всегда рисовала у этой сосны и пруда... Как так вышло, что в этот день мольберт здесь поставила Ханами, а не я?

«Всё логично, Эли... — ответила самой себе. — Во-первых, в этой жизни ты замешкалась и опоздала на урок, во-вторых, ты не умеешь рисовать так, как это делала прежде, а потому Томеро-сан сам выбрал для тебя другое место. Никаких привилегий. Вот и результат. Миран встретил здесь не тебя, а её».

Но почему я проснулась в родительском доме? В прошлой жизни, как только мне исполнилось четырнадцать, родители отправили меня на смотрины во дворец. Старшая придворная дама как раз набирала талантливых девушек со всего Огненного Архипелага, чтобы они развлекали гостей интеллектуальными беседами, украшали залы во время приёмов своей неземной красотой, музицировали во время вечерних трапез и становились живыми цветами в садах принцев Аккрийских. Из нескольких сотен девушек отобрали самых перспективных и юных. Нас учили правильно держать осанку, изысканно говорить и «читать воздух», быть женственными, а иногда выполнять мелкие поручения знатных особ — дракониц.

В последние столетия драконицы рождались крайне редко, а общая численность их рода всегда была невелика, и потому прислуживать кому-то из существ высшего порядка считалось величайшей честью. Особенно для семей вро-

де моей, чья кровь не блистала древними узорами: и мама, и отец — самые обычные оборотни-лисы. У меня же к четырнадцати годам прорезался второй хвост, что говорило о большом магическом потенциале, имелись очевидный талант к игре на кото[2] и лёгкая кисть. Придворная дама восхитилась моими рисунками и предложила перебраться во дворец принцев Аккрийских, пообещав, что даст воспитание настоящей леди и рано или поздно я найду себе мужа благородных кровей.

Но всё это было в прошлой жизни.

Не в этой.

Выходит, меня отбросило на год назад, но жизнь моя изменилась колоссально ещё раньше. В этой жизни меня не отобрали подростком во дворец, я ничем не выделялась среди других девушек и до двадцати двух лет прожила с родителями.

Не успела я додумать эту мысль, как, погрузившись в переживания, споткнулась и налетела на мужчину в коричнево-оранжевой форме.

— Эй, у тебя глаза на затылке? Ты по облакам шагаешь или мне по пяткам?!

[1] Скрипт — самая мелкая монета. ↑

[2] Кото — струнный музыкальный инструмент. ↑

Глава 3. Правое Крыло Дракона

— Тысяча извинений... Моё поведение непростительно,

— пробормотала я, панически осознавая, кого толкнула.

Передо мной возвышался воин, чья крупная фигура была обтянута формой тёплого землистого цвета, в которой словно языки пламени вспыхивали широкие красно-оранжевые вставки. На груди — знак в виде дракона, но, в отличие от Мирана, у которого было лишь несколько золотых нитей в вышивке, у незнакомца передо мной весь дракон переливался золотом. Взгляд мужчины был суров, осанка безупречна. Огненный клинок... но точно не рядовой охранник! Судя по количеству оранжевого, мастер Танца Искр, не меньше!

Когда я, расстроенная, отвернулась от Мирана и Ханами, ноги по привычке понесли не к родительскому дому, а к южным воротам дворца, которыми я пользовалась почти десять лет в прошлой жизни. Они считались второстепенными, далеко не самыми главными, однако сути дела это не меняло: зайти на территорию дворца имели право только те, кто здесь проживал. То, что я ступила на белый камень, — непозволительная дерзость! За такое наказывают палками!

— Да ты ослепла, что ли?! Путь перед собой не видишь? — продолжал возмущаться воин, у которого, как оказалось, от нашего столкновения выпала гречневая лепёшка из рук. Она лопнула сбоку, и на землю высыпалась начинка — пря-

ный лук и пара скользких кусочков вяленой рыбы.

Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Прошу прощения, уважаемый огненный клинок... — Я поспешно изобразила самый глубокий поклон, на какой была способна. — Я действительно виновата. Позвольте мне загладить вину! Я приготовлю вам точно такую же лепёшку или даже лучше. С кунжутом и соусом из мисо, если пожелаете...

Воин шумно выдохнул через ноздри и смерил меня сердитым взглядом.

— Думаешь, такую можно просто взять и повторить? Эту лепёшку делала моя бабка, рецепт никому не рассказывает. Она гостила у меня целую луну и вчера уплыла с торговцами тканей по Горячему морю к себе на северные острова. Нет, барышня, такую никто уже не сделает. — Он присел и отвернулся, чтобы подобрать упавший свёрток, но вдруг осёкся. Медленно выпрямился. Повернулся обратно ко мне. — Стой. А ты что тут вообще забыла?

Я замерла, как застигнутая врасплох птица.

— Странно, — продолжил он. — У всех, кто живёт при дворце, на поясе проходной жетон. А у тебя что?

А у меня его не было. И, памятуя о жизни во дворце, я прекрасно понимала, о каком жетоне идёт речь, но увы...

Паника парализовала. Что сказать? Что я здесь оказалась **случайно**?! Да это же будет выглядеть ужасно глупо... Я не хочу наказания!

— Да сколько можно к барышне придирааться, Сейджин! Только и делаешь, что ворчишь всё утро. Посмотри на неё, — внезапно позади раздался спокойный, чуть насмешливый мужской голос, — узкие штаны да туника с прорезями по колено. Ясно же, девушка на отбор спешила, но перепутала входы. Такое и с самураем случиться может. Не все же по дворцу, как ты, с завязанными глазами ходят. Лучше бы ты вместо того, чтобы браниться на новобранцев, переставал есть во время службы. Не боишься, что принцу всё доложу? Отбор? Новобранцы?!

Я резко крутанулась и ошеломлённо посмотрела на того, кто говорил. Высокий незнакомец с выправкой воина двигался прямо на нас. Он шёл с такой непринуждённой уверенностью, словно всё вокруг было его собственностью. Тёмные волосы необычной длины (всего лишь по плечи, как у монахов-отступников из северных провинций) — были собраны в ленивую полупричёску, несколько прядей небрежно спадали на скулы. Черты лица отдавали резкостью: скулы острые, подбородок упрямо выдвинут, нос с тонкой горбинкой, губы чётко очерченные, чуть поджатые. Но при этом в глубоких тёмных глазах плясали откровенные смешинки. Незнакомец заранее знал, что смутит меня с первой секунды.

На нём была чёрно-коричневая форма, строгая, но явно пошитая по индивидуальному заказу: ткань плотно облегла тело, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Яркие всполохи оранжевого цвета поблёскивали в вышивке у горла

— неброско, но достаточно, чтобы выдать высокий ранг. И всё же внимание невольно притягивали не они, а алый, как закатное солнце, длинный плащ, развевавшийся за его спиной, а также шёлковые кисти на эполетах, что ритмично колыхались при каждом шаге.

Ничего себе! Кто это передо мной?!

— Поразвешивали объявлений... Неужели в огненные клинки теперь и девок берут? — продолжил ворчливо возмущаться Сейджин, но явно для проформы.

С появлением незнакомца его грозный взгляд перестал так пугать.

— А что б не взять? — в тон ему ответил алый плащ. — Они, вон, не хуже многих доблестных воинов будут. Тем более перед тобой не кто-нибудь, а кицунэ.

Мужчина бросил на меня выразительный взгляд, от которого внезапно захотелось опустить голову как можно ниже.

— М-да? Перепутала ворота? — Сейджин тоже на меня посмотрел, но скорее скептически, а затем шумно вздохнул и выкинул упавшую лепешку в корзину мимо пробежавшего дворцового служки. — Ну пошли, малая. Покажу, куда надо было приходить, чтобы на отбор попасть.

И с этими словами он повернулся и пошёл прочь, будучи уверен, что я последую за ним.

— Что же ты стоишь? Неужели не за тем, чтобы податься в дворцовую стражу, пришла? — Незнакомец сощурил тёмные глаза, внимательно меня разглядывая.

Всего один миг — и из смешливого мужчины он превратился в подозрительного... даже не знаю кого. Всё моё нутро вдруг напряглось и закричало, что передо мной не человек, не маг и не самый простой оборотень...

— Д-да, то есть нет, — пробормотала, робея под этим взглядом.

— Я слышу, как ты волнуешься. — Он внезапно добродушно усмехнулся. — Не стоит. Ты же хотела попасть во дворец — вот тебе шанс. Всё, беги, а то опоздаешь за мастером Трёх Ветров, потеряешься. Он выглядит сурово, но не обманывайся его внешностью.

Я послушно кивнула и бросилась за ушедшим воином, благо его золотой дракон на спине привлекал внимание среди толпы слуг. Мастер Трёх Ветров? Ого! Напрягшись, я вспомнила, что так называли тех, кто освоил и сдал экзамены на безупречное обращение с тремя видами оружия, причём меч и кинжал считались одним видом, а меч и посох — двумя. Миран в прошлой жизни хвастался, что прекрасно изучил бой с катаной и неплохо стреляет из лука. Он планировал выбрать ещё одно оружие и в течение ближайших лет сдать экзамены на звание мастера Трёх Ветров, но пока что оставался рядовым огненным клинком.

Подбежав к Сейджину и приноровившись к его шагу, я тихонько выдохнула. Нет, дворец рода Аккрийских я знала прекрасно и точно бы не потерялась. Судя по тому, как Сейджин принялся огибать пруд, меня вели к запасному входу

для прислуги. Но всё равно выглядело бы странно, если бы я существенно отстала от проводника.

— Что, правда, что ли, кицунэ? — спросил он, стоило мне выровнять дыхание.

— Не совсем так, благородный господин ошибся. Я простая лисица, у меня всего один хвост, — быстро сообщила, вспомнив сделку с богиней и отчаянно надеясь, что она не обманула и вторую ипостась не забрала — лишь хвосты.

— Да даже если и лисица, всё равно необычно. Вы предпочитаете на Большой Земле селиться, а не на Огненном Архипелаге, — отметил Сейджин.

— Конечно, там леса просторные, охотиться сподручнее да лапы разминать. Я там всё детство у бабушки провела, — подтвердила и мысленно добавила: «Вот только матушка троих дочерей удачно замуж выдать хотела, а потому пришлось переехать поближе ко дворцу. Так близко, насколько было возможно».

— Ты прости меня, медоеда, — внезапно сказал мастер Трёх Ветров, от чего я чуть не споткнулась на ровном месте, — не признал в тебе лисицу. У меня самого бабка — чистокровная медоедка, вышла замуж за лесника, родила дочь. Матушка время от времени обращалась, но только в полную луну, давалось ей это тяжело. Она тоже выбрала в спутники полукровку, и так появился я. Так что кровь у меня обратническая, своих обычно чую, но иногда нюх подводит. Зовут меня, кстати, Сейджин. А тебя как?

— Элирия, мастер.

Я сложила руки ладонями друг к другу, как учила придворная дама, и попыталась на ходу поклониться, но воин вздохнул так, словно я его разочаровала, и резко остановился.

— Нет, так дело не пойдёт, Элирия. Так только девки... то есть барышни здороваются. Если собираешься стать полноценным огненным клинком, то здороваться надо вот так.

Мужчина сжал правую руку в крупный кулак и прижал к напряжённой левой.

— Это сила. — Он акцентировал внимание на кулаке. — А ладонь — это сдержанность, уважение и мир. Если выбрала военную карьеру, то и этикет надо соблюдать правильный. Учись.

«Да я не выбирала никакой военной карьеры, просто наказание палками получить не хочу. Сейчас отбор провалю и пойду домой», — подумала про себя, послушно повторяя жест.

Сейджин тем временем продолжил:

— Вообще, дело это правильное, чтобы барышня, тем более оборотень, за себя постоять умела. Одобряю. Жалование во дворце платят достойное, а уж тенью огненного клинка взять должны, если ты гимнастику с детства любишь. Ко всему ещё прилагается бесплатная еда и проживание на территории дворца. Только глупец не попытался бы пройти отбор.

«Проживание на территории».

Слова мастера Трёх Ветров впились в мозг как иглы, спря-
танные в лепестках лотоса. Если ещё минуту назад я думала
о том, как вернуться в отчий дом и разрыдаюсь на постели, то
теперь вспыхнула новая мысль.

Зачем бежать домой? Конечно же, надо, как в прошлой
жизни, попытаться попасть во дворец принцев Аккрийских!
Вот только теперь я буду не в статусе леди, а тенью огненного
клинка. Так даже лучше, ведь я буду ближе к Мирану и смо-
гу защитить его в нужный момент, когда случится прорыв.
Даже если я не научусь к этому моменту драться, я просто
всех предупрежу о нашествии Мёртвых Душ...

— О чём задумалась, Элирия? — спросил Сейджин, за-
ворачивая за высокую ограду, поросшую плющом.

Я ойкнула и поспешила за проводником.

— Да... о том, что хочу попасть в ряды огненных клинков,
Сейджин-сан, — искренне улыбнулась я. — А как зовут того
благородного господина, который узнал во мне лисицу?

— Ты не заметила цвета плаща? — вопросом на вопрос
ответил мастер Трёх Ветров и даже остановился.

Брови его изумленно взлетели на лоб. Я потупила взгляд
и прикусила губу.

— Конечно заметила. Это был алый. Я просто не очень
хорошо ориентируюсь в иерархии огненных клинков и...

— Ох, Элирия, — мужчина покачал головой. — Если со-
бираешься стать одной из нас, то тебе придётся разбираться
в этом, и очень хорошо. Это был уважаемый господин Йо-

ри-сан, Правое Крыло Дракона принца Эвана Аккрийского.

— Правое Крыло Дракона? — переспросила я, чувствуя, как теплеют щёки.

Вот спросили бы меня о придворных дамах — о, тут бы я развернулась. Выдала бы целую лекцию: кто какие цвета носит, кого слушаться сразу, а перед кем можно изобразить, что «ой, не расслышала». Но дворцовая стража... Э-э-э. Всё, что я знала, — обрывки давних рассказов Мирана.

Мастер Трёх Ветров соорудил выразительное лицо, но всё же снизошёл до разъяснения:

— Правое Крыло Дракона — звание не из обычных. Это не просто огненный клинок, а фактически правая рука принца. Принцев Аккрийских семь, у каждого есть своё крыло, их бывает даже два — Правое и Левое, как у наследного принца. Но если мы говорим про его высочество Эвана Аккрийского, то его сердце доверяет лишь уважаемому Яори-сану. Так что запомни, Элирия, если увидишь дракона в красном плаще, знай: ты в шаге от самого принца.

— Дракона? — прошептала я, вдруг осознавая, почему мне было так не по себе под взглядом мужчины в алом плаще с шёлковыми кистями на эполетах.

Вот же голова-пустоцвет, как я сразу этого не поняла-то?!

— Конечно дракона, — важно кивнул Сейджин. — А кому ещё быть Правым Крылом? — риторически спросил и, пока я осмысливала, добавил: — Ну вот мы и пришли на отбор. Это здание называется Коридором Спящих Мечей, а

тебе надо пройти через него на поле для тренировок. Удачи, Элирия.

Глава 4. Семья

Если бы кто-то сказал мне год назад, что я добровольно встану в очередь на отбор в дворцовую стражу, я бы рассмеялась ему прямо в лицо и пошла дальше рисовать лотосы. Или велела бы умыться холодной водой и провериться у иси-эи. Но вот я тут, вся в пыли с дурацким мешком на спине тащусь уже третий круг по тренировочному полигону и мысленно проклиная всё вокруг.

Народу было как на базаре перед праздником. В основном пришли юноши и молодые мужчины. Девушек — словно росы на камне — почти нет, и та быстро исчезает под солнцем. К концу отбора нас оказалось всего трое: я, молодая девчонка с лицом каменного истукана и какая-то прыгающая, как кузнечик, пацанка с северных островов. Остальные выбыли.

Сначала нас гоняли по силовым: мы таскали тюки с песком, лупили друг друга бамбуковыми палками, а напоследок ещё и боролись на арене. Все эти этапы я, по ощущениям, провалила. Зато потом начались упражнения на ловкость, и вот тут у меня наконец появилась надежда. Всё-таки богиня лишила меня женских талантов — пения, музицирования, этих ваших утончённых «ах», — но память тела забрать за-была. Спасибо и на этом.

Экзаменаторы натянули толстый канат над горящими углями и велели пройтись, не теряя равновесия, будто у них

в деревне так каждое утро ходят за водой. У меня тут же всплыло: бессонные ночи, старшая придворная дама, свиток на голове, фарфоровая чашка с кипятком в руках и непременная улыбка. Угол изгиба губ она проверяла придирчивее, чем Палата Баланса — казну, а взгляд полагалось держать мягким, что бы ни творилось внутри. Ошибёшься — и получишь звонкий щелчок веером по пальцам.

По канату прошла с царственной осанкой — спина прямая, подбородок вверх, шаг ровный. Судьи прищурились, зашушукались. Ищите-ищите магстабилизатор, господа. Нет его. Есть только годы тренировок, о которых вам знать не положено. Сейджин-сан на дальней скамье расплылся в довольной улыбке. А я поймала себя на злорадном удовлетворении: ну наконец-то. Хоть где-то я лучше остальных новобранцев!

Потом была стрельба из лука: движущиеся мишени, ограниченное время да ещё ветер со стороны башни, порывистый, подлый, всякий раз в момент выстрела. Я не блистала, но попадала, пусть не в центр, так в мишень. А у некоторых стрелы уходили в сторону наблюдателей. Одному зеваке даже пришлось вызывать дворцового исэи[3] для обработки раны от нерадивого мальчишки, не сумевшего нормально прицелиться.

Я была не лучшей, но и до статуса «ужас дня» мне было далеко. В конце концов у нас, юных леди под присмотром старшей придворной дамы, были свои утончённые развлечения.

ния: в свободные минуты мы метали заострённые шпильки в старую засохшую сосну. Так что, когда дело дошло до лука, мне было непривычно, но глазомер ни разу не подвёл.

Несколько раз мне хотелось сдаться. Грязно выругаться, помянув всех богов, бросить эту затею, развернуться и уйти, ведь я уже чудом избежала наказания за вход во дворец, хватит с меня приключений. Но всякий раз меня останавливала одна мысль: если я **законно** пролезу во дворец (да, звучит как оксюморон), то у меня появится шанс спасти Мирана в будущем.

Да, он позвал на праздник Ханами, но разве это повод сдаваться? Он же не помнит прошлой жизни, да и самое главное, я что, получается, просто так всем пожертвовала, чтобы откатить время вспять? Нет, я просто обязана устроиться во дворец и как минимум подружиться с Мираном, чтобы через год в конце зимы предупредить о нашествии Мёртвых Душ. Чтобы мне поверили. Я обязана!

Последним заданием было забраться по стене, ставя руки и ноги в стыки между камнями, и взять флаг с самого верха. К этому моменту у меня закончились последние крохи сил, а потому, когда взмокшие от пота ладони начали скользить, я обернулась лисицей (очень волновалась, вдруг богиня отняла больше, чем таланты и хвосты) и вонзила когти в опору, чтобы не упасть. Всё-таки с трудом, но выползла на самый верх! Измученная и уставшая, я выполнила задание.

И наконец я услышала:

— Уважаемая Элирия, пусть сила ваша и не сравнима с тяжестью гор, но вы проявили достойные уважения ловкость и чувство баланса. Совет взвесил и решил: отныне вы входите в ряды дворцовой стражи и носите гордое звание тени огненного клинка. Примите этот жетон — ключ к восточным воротам. В течение ближайших суток перенесите всё необходимое в выделенные вам покои, ибо с этого дня ваш дом — здесь, под кровлей семи принцев Аккрийских.

Когда я выбралась из Коридора Спящих Мечей, солнце уже клевало носом в горизонт, а мой желудок подавал такие сигналы бедствия, что мог бы привлечь спасательный отряд. Я задрала голову, полюбовалась несколько минут алеющим небом и мысленно похвалила себя: молодец, выложились перед экзаменаторами на все сто, даже не умерла — уже достижение. После чего поспешила домой, спрятав жетон за широкий пояс.

У самой ограды, когда изогнутые черепичные крыши почти скрыли небо, я уловила надрывные всхлипы и торопливое сбивчивое бормотание. В груди неприятно кольнуло, и я невольно ускорила шаг.

Я распахнула сѐдзи[4] в нашу общую комнату — ту, что днём служила кухней, вечером — столовой, а по праздникам превращалась в гостиную. И в тот же миг меня накрыла горячая волна стыда.

На единственном столе, как немое обвинение, лежал мой мольберт. Недописанная картина, испачканная травой, рас-

трёпаннные кисти, смятый лоскут ткани... Мама, уткнувшись в ладони, безудержно плакала, плечи её мелко дрожали. Отец стоял рядом — насупленный, с нахмуренными бровями, руки крепко скрещены на груди, будто он удерживал ими всё, что хотел сказать.

Ох, как я могла забыть дорисовать картину для Томе-ро-сана?! Сверчки в горшке! Сухие водоросли в голове вместо памяти! Выходит, мастер живописи был здесь и принёс все мои инструменты... Как же стыдно-то!

— Дорогой, дай ей ещё один шанс! — всхлипывала мама. — Она же не со зла...

— Вот ещё! Мне надоело оплачивать её занятия по рисованию. Очевидно, в ней нет ни крупицы таланта, каким обладают наши старшие дочери, — жестко ответил отец. — Даже уважаемый Томе-ро-сан отметил, что это трата монет на ветер.

Ох, кажется, дома намечается скандал...

— Мам, пап, привет! — Я замерла на пороге и прикусила губу, рассматривая картину.

— Здравствуй, дочь. — Папа перевёл тяжёлый взгляд на меня и сообщил без прелюдий: — Отныне твои уроки рисования отменяются. Мы больше не будем их оплачивать.

— Хорошо, — просто согласилась я.

Мама побледнела и громко всхлипнула, отец же, явно напряжённый и готовый к ссоре, вдруг чуть опустил плечи.

— То есть ты не возражаешь, что больше не будешь рисо-

вать? С тех пор как твоя старшая сестра Эмма вышла замуж, я отменил твоё пение и игру на кото. Живопись — единственное хобби, которое у тебя осталось. Ты умоляла со слезами, чтобы мы оставили тебе хоть это.

О как. Оказывается, в этой жизни хоть у меня и не было талантов, я двигалась по старой «накатке», и родители шли навстречу настолько, насколько финансово могли потянуть.

— Ты прав, писание картин совсем не для меня, и я приношу извинения, что так неосмотрительно бросила сегодня холст и краски...

Я замялась, пытаюсь подобрать хоть сколько-то вменяемое объяснение моему поведению. Сложно сказать «я встретила мужчину, который должен стать моим женихом, но вместо меня почему-то обратил внимание на другую». Как итог, пока я сомневалась и подбирала слова, мама всё же не выдержала и разревелась в полный голос.

— Ну как же так, Элирия! Это был твой последний шанс попасть во дворец и стать леди! Так бы ты вышла замуж за благородного мужчину, а что теперь...

— Да ничего страшного, мам, — ответила мягко, в голове прокручивая образ Мирана.

У меня целый год, чтобы познакомиться с ним заново и понравиться ему. Уж чего-чего, а этого я непременно добьюсь! Теперь, когда я тень огненного клинка и в некотором смысле боевая сестра, даже будет легче это сделать...

— Действительно, ничего страшного, дорогая, — вме-

шался отец. И на этот раз он даже ободряюще положил ладонь на плечо матери и погладил её. Я уже было решила, что буря миновала, как он продолжил: — Я списался с родственниками с Большой Земли. Скоро праздник Цветения Сакуры, там как раз сейчас начинается сезон знакомств и свадеб у оборотней. В клане лис есть подходящая для Эли кандидатура, очень молодой и яркий лис. Я договорился, чтобы Эли прожила всю весну и лето у моей матери.

— У бабушки?! — оторопело пробормотала я и тряхнула головой. Я что, по мнению отца, обязана выйти замуж?!

— У твоей бабушки, у которой ты провела всё детство. Давно ты её не навещала, заодно и поможешь по огороду, — как ни в чём не бывало закончил отец.

У меня же перед глазами заплясали искры. Я что, ненужный товар, от которого родители хотят поскорее избавиться? Как так вышло, что в прошлой жизни они были довольны моей помолвкой с Мираном?

«Так, может, потому что у тебя была помолвка с ним, они и были довольны?» — резонно возразил внутренний голос.

Я не знала, что и думать. В прошлой жизни всё вроде бы шло своим чередом, а сейчас с ног на голову перевернулось. Как так?! Почему? Если Великая Прядильщица Судеб «откатила» меня на год назад, разве не должно всё в этот раз быть только лучше?

Тем временем мама как будто успокоилась, перестала всхлипывать и даже поднесла платочек к глазам, промакивая

слёзы.

— А что... В целом, наверное, ты и прав, мой дорогой. Не всем быть леди... Наверное, я слишком сильно надеялась, что все три наших дочери войдут в высший свет. Не судьба.

— Мам, да какая разница, буду леди я или нет? — возмущалась я, глядя в глаза матери.

Честно говоря, на тот момент, когда я отказывалась от своих талантов, я даже и не думала, что у этого будут такие последствия. Ну не леди я больше, не говорят после моего имени «сан», но ведь это не так важно, верно?

Мама лишь шумно вздохнула и покачала головой, из-за чего несколько длинных прядей выпало из её аккуратной причёски.

— Доченька, ну что ж ты... Впрочем, наверное, отец прав, тебе лучше на Большую Землю тогда отправиться. Выбери себе мужа из клана лис, замуж выйдешь, в следующем году деточек нянчить будешь. Двадцать два уже, давно пора.

Я стояла и ошеломлённо смотрела на родителей. Всю прошлую жизнь они мне казались такими понимающими и поддерживающими, а сейчас... Я вообще-то Мирана люблю, я только за него хочу!

— А если я не хочу замуж за лиса? — только и смогла выдавить из себя.

Мама охнула и прижала руки к груди, отец вновь нахмурился:

— Элирия, не говори глупостей. Ты не девка мелкая, что-

бы так капризничать. Да и мы с твоей матерью не молодые, живём тут, в деревне на острове, только ради тебя, можно сказать. Сами бы давно на Большую Землю вернулись да лапы размяли. Сколько можно сидеть на наших шеях? Прекращай ныть, иди собирать вещи и делай так, как я сказал.

Я оторопело смотрела на отца, не зная, что ответить. Не сказать, что мы были с ним очень близки, всё же с матерью больше, но тем не менее... «сидеть на шее»? Понятное дело, в прошлой жизни в этом возрасте я уже жила во дворце, но в этой просто пока не нашла себя... неужели это преступление — в двадцать два помогать по хозяйству, рисовать и не хотеть замуж?

— Пап. — Я набрала полные лёгкие и решила: — Тут такое дело, я никуда не поеду. Я теперь во дворце живу и работаю... — Я потянулась к поясу и достала из-за него жетон. — Мне надо вернуться сегодня же, иначе это нарушение внутренних правил и оскорбление их высочеств получается.

Честно говоря, я точно не знала, насколько неявка тени огненного клинка является нарушением правил, но, памятуя о курсе этикета, старательно вдолбленного старшей придворной дамой, ответила именно так.

Мама внезапно радостно вскрикнула и стремительно поднялась со стула. Она схватила мою ладонь, разглядывая жетон на свет, словно я могла обмануть.

— О, боги меня слышали! Эли, дочка, ты всё-таки станешь леди! — забормотала она, вновь смаргивая влагу с глаз.

— Тебе выберут в мужья аристократа! Оборотня, а если повезёт, даже дракона!

Отец расплёл руки с груди и опустил их, недоверчиво на меня глядя.

— Эм-м-м, не совсем так... — смущённо выдохнула я и добавила: — Меня взяли в дворцовую стражу. Я теперь тень огненного клинка, и мне даже жалование небольшое полагается. — Последнее я вспомнила из поздравлений мастера Трёх Ветров и улыбнулась.

Если родителям действительно тяжело финансово, о чём я не догадывалась до сегодняшнего дня, так это же хорошо, что они больше не должны меня кормить.

— Что?! — Мама отшатнулась от меня так, будто я сказала, что тяжело больна. — Ты будешь учиться махать алебардой — разве это занятие для девушки?!

Я изумлённо посмотрела в ответ.

— А что не так? Я теперь буду жить во дворце, всё как ты хотела.

— Вынужден согласиться с твоей матерью, — внезапно вмешался отец. — Не дело это, Элирия. Кто на тебя в штанах и без украшений посмотрит? Не найдёшь ты там никого, а контракт, небось, на десять лет составляется, верно? То есть шанс отказаться от службы и вернуться на Большую Землю у тебя появится лишь в тридцать два. Нет, дочь, ты плохо подумала. Собирайся, мы уезжаем. А за разрыв контракта, так и быть, я отвечу — схожу на низкий поклон к огненным

клинкам и объясню, что дочь у меня неразумная.

— Нет! Я хочу работать в дворцовой страже.

— Элирия, не дури. Зачем тебе это?

— Ты сам только что сказал, что я сижу у вас на шее. Я буду себя обеспечивать сама.

— Чушь и ерунда, сильный мужчина-оборотень должен обеспечивать, а не вот это всё!

— Нет.

Я сделала шаг назад, переводя обескураженный взгляд с отца на мать и обратно. Всё рушилось буквально на глазах. Как так? С каких пор в этой жизни у меня появились размолвки с родителями? Почему им так важно, чтобы я была леди, а если не леди — то дорога в лисий клан на Большую Землю? В какой момент богиня так зло надо мной пошутила?!

Чувствуя, как слёзы начали течь по щекам, я развернулась и бросилась в свою комнату. Собрать оказалось почти ничего — на это ушло меньше времени, чем я успела глубоко вдохнуть. В этой жизни у меня не было ни шкатулок, ломящихся от заколок и браслетов, ни коробок с тонкими тетрадями для каллиграфии, ни стопок альбомов, пахнущих рисовой бумагой, ни аккуратных рядов кистей в лакированных футлярах. И даже ни одного музыкального инструмента, который можно было бы прижать к себе в тоске.

Я порылась в сундуке, и меня кольнуло странное чувство — праздничных кимоно я так и не нашла. Похоже, в этой

жизни родители не верили, что я смогу стать леди, а потому не стали тратить на изысканный шёлк. Их место занимали чуть более просторные туники и несколько пар брюк, удобных для дороги. Пальцы машинально провели по ткани — и отпустили. Это больше не имело значения.

Я собрала всё, что сочла нужным: несколько смен белья, дорожный плащ, старый блокнот, пару кистей, но совсем простых. Сложила вещи в заплечный мешок и застегнула его так резко, будто боялась передумать.

Из дома я вышла молча и свернула ко дворцу. Позади голосила мама: «Ты губишь свою жизнь!», отец кричал что-то про неблагодарность. Уговаривать он уже перестал, теперь пугал. Ну и пусть кричит, да хоть охрипнет. Я лишь плотнее вцепилась в мешок и зашагала ко дворцу, ни разу не обернувшись.

Ближайший год я проживу там, предупрежу о наступлении Мёртвых Душ и не дам Мирану умереть, а там будь что будет.

У меня всё получится. Я всё смогу.

[3] Исэи — лекарь с магическими способностями. ↑

[4] Сёдзи — раздвижные перегородки или двери, обычно сделаны из лёгкой деревянной решётки, обтянутой полупрозрачной бумагой, реже — полностью деревянные. ↑

Глава 5. Павильон Зимних Слив

Первое, что я поняла, переступив порог новых покоев, — во дворце принцев Аккрийских могут сосуществовать рядом совершенно разные миры.

В прошлой жизни, будучи леди Элирией-сан, я жила в павильоне Зимних Слив в западном крыле — рядом с внутренним садом, где по утрам от тумана бледнели каменные фонари, а вечером в пруду можно было рассмотреть багровых карпов. В западной части дворца всё было рассчитано на демонстрацию статуса: тёплый пол из лакированного дерева, ширмы с тонкой росписью, всегда свежие цветы в вазах, лёгкий запах ладана, который меня сопровождал даже во сне.

Теперь же я оказалась в восточном крыле, на границе с казармами. Здесь не пахло цветами — только бамбуком и старой тканью. Стены были голыми, без каллиграфических свитков и панно, зато существенно толще. Окна тоже были сделаны иначе: вместо дорогостоящего магического стекла — обтянутый тканью деревянный каркас. Такие окна пропускали рассеянный свет, защищали от ветра, но не давали прямого обзора. Впрочем, тут и смотреть-то было некуда, потому что, в отличие от Зимних Слив, павильон Стальных Копий и Коридор Спящих Мечей выходили на тренировочный двор, а не на изысканный пруд.

Зато — и это я отметила сразу — в отличие от прошлой

жизни, комната в павильоне Стальных Копий принадлежала только мне. В Зимних Сливах было множество девушек, которые преуспели в танцах, каллиграфии или музыке, а потому нас селили по двое, трое или даже четверо. Среди теней огненных клинков оказалось всего три девушки: я, суровая двадцатисемилетняя Акино с мощными широкими плечами и такой же широкой челюстью и совсем юная и очень болтливая Наоко, которой едва исполнилось шестнадцать. Акино и Наоко поселили в отдельной комнате, а мне выдали эту.

Теперь никто не шумел за ширмой, не делил со мной зеркало, не оставлял шпильки и ленты в беспорядке. Мой матрас, мой стол, мой светильник. После прошлой жизни, где почти десять лет даже дыхание приходилось согласовывать с соседками по покоям, это было в некоторой степени роскошью.

Подушки, правда, набиты хлопком, покрывало кусается. Умываться теперь из глиняного кувшина, серебряный таз со служанкой сюда не забредут. Ну и пусть. На наказание это не походило. Простые вещи для простой работы.

Первый вечер я провозилась с пожитками. Кисти сунула в бамбуковый стакан, плащ повесила у сёдзи. Дольше всего выбирала место для свитка с рисунком и в конце концов пристроила его напротив постели: пусть попадает на глаза по утрам. Тишина с непривычки давила на уши. Никто не скребся в дверь, не звал на вечерние посиделки. За перегородкой не шептались. Со двора долетал стук тренировочно-

го оружия, за окном возился ветер — вот и всё.

Утром грянул гонг. Я подскочила, запуталась в покрывале и долго не могла сообразить, где нахожусь. Богиня всемогущая, да от такого грохота покойник бы сел в гробу!

Опомниться не дали. В коридоре уже топали и гремели вёдрами, кто-то заохал, окатив себя водой. Выяснилось: здешнее утро начинается не с умывания, а с омовения, причём целиком и из общего чана. Бр-р-р! Вода за ночь остывала так, что зубы потом стучали до самого завтрака. В прошлой жизни меня будили ароматом жасминового чая. Здесь же ни чая, ни тёплой воды.

Потом был двор и инструкторы. Долгий бег по кругу до хрипа в лёгких. Отжимания, прыжки, удары по деревянным манекенам. Замешкавшихся хлестали палкой по рукам или по спинам, чтобы быстрее шевелились.

После завтрака я понадеялась на передышку, а зря. Нас усадили в зал для занятий: основы тактики, иерархия стражи, тайные сигналы. Час за часом я копировала карты тушью и переписывала своды дворцовых правил, пока строчки не поплыли перед глазами.

Я познакомилась со всеми новобранцами, но вот общаться с ними было, увы, некогда.

К обеду я переставала чувствовать ноги. К ужину — руки. К ночи — собственное существование. Однако гордость, упрямо цеплявшаяся за мысль «я не хуже остальных», не позволила сдаться. Даже когда, вернувшись в свою комнату,

я едва могла дотянуться до светильника, чтобы погасить его.

Несколько раз, всё ещё не до конца веря в то, что сделка с Прядильщицей Судеб всё же состоялась, я брала лист бумаги и пыталась изобразить — дерево, пруд, дворец... Ничего не получалось. Я вроде бы точно знала, как надо провести кистью, сколько цвета набрать, как изобразить тень и свет, но в тот момент, когда я брала кисть, рука начинала подрагивать, двигаться криво и не так. Словно магия какая-то! Хотя почему «словно»? Ровно так оно и было, если верить моим воспоминаниям. Божественная магия. Точно так же обстояли дела с каллиграфией, пением и музыкой. Не получалось ничего, что я делала с лёгкостью в прошлой жизни. Шумно вздохнув, пришлось смириться, что в этой жизни мне придётся придумывать, как жить по-другому.

На шестой день я случайно услышала обрывок фразы «Цветение Сакуры под Луной», и осознание обрушилось на меня, как весенний ливень на ещё тёплую от солнца землю.

Как я могла забыть про праздник?!

Тени огненных клинков, как самые младшие и неопытные, тренировались отдельно от самих огненных клинков. Так уж сложилось, что за всю неделю я не встретила Мирана ни разу, а потому, погружённая в свою новую-старую жизнь, не вспоминала о нём.

В честь намечающегося праздника нас с занятий отпустили чуть раньше. Взмолвленная предстоящим событием, я принялась наворачивать круги по дворцу. Очень хотелось

увидеть Мирана, но восточное крыло было для меня пока ещё не полностью известным, и как-то так получилось, что, блуждая между Коридором Спящих Мечей, Залом Молота и Клинка и тренировочным полигоном, я сама не заметила, как вышла к павильону Зимних Слив.

Там всё казалось абсолютно таким же, как в прошлой жизни. Длинная галерея с резными балками упиралась во внутренний сад, где невысокая изгородь из тёмного дерева отгораживала небольшой пруд с каменными фонарями и выложенными галькой дорожками. Вода поблёскивала под вечерним светом, ленивые карпы тяжело шевелили хвостами у поверхности.

Я задержалась, не зная, что делать дальше. С одной стороны, меня никто не приглашал в этот павильон, с другой — я чувствовала себя здесь как дома и знала каждый закуток. Неожиданно у декоративной пагоды с двумя мостами через пруд возникла знакомая женская фигура в нежно-персиковом кимоно. Сердце радостно ударилось о грудную клетку. Мы с Ханами почти десять лет делили одну комнату, одну лампу для вечернего чтения и одну вешалку для зимних плащей, а здесь, на этих мостиках, играли в салочки! После недели, когда вокруг были только незнакомые лица, а родителей я не видела с самого отбора, это ощущалось почти как чудо.

Не раздумывая, я перекинула ногу через изгородь и, чуть не зацепившись за верхний брус, прыгнула на мягкую зем-

лю сада.

— Привет! — выдохнула я, подбегая к подруге.

Мне показалось, что в её руке что-то блеснуло, но она мгновенно засунула руки в рукава и выпрямилась, даже не думая кланяться. Лишь приподняла подбородок, скользнула по мне взглядом и поморщилась.

— И тебе добрый вечер, Элирия. Бежишь так, будто тебя за шиворот тащат в Нижний Мир. Тебе, должно быть, не объясняли, что достойные девушки движутся степенно и только шваль с подворотен носится, пыль столбом поднимая?

Я моргнула, сбавив шаг.

— Просто рада тебя видеть...

Мы же ведь в один кружок живописи к Томеро-сану столько времени ходили и в той, и в этой жизни. Как так вышло, что тогда мы были лучшими подругами, почти сёстрами, а сейчас в лучшем случае приятельницы?

— А я вот поступила на службу и теперь являюсь тенью огненного клинка, — сказала, чтобы поддержать разговор, и покрутилась вокруг своей оси, демонстрируя выданную мне форму: коричневые штаны и белую с небольшим вкраплением жёлтого тунику поверх.

— Вижу, — Ханами пальцев так и не разжала. — Зачем пришла?

— Да... поговорить.

— Ты? Со мной?!

Раньше она была совсем другой. Смеялась по любому по-

воду, дарила заколки, тянула за рукав, мол, пойдём, посмотрим, у мастера Хиро новая партия шёлка. Однажды мы поспорили до слёз, какой кистью класть тени на рисунке, а вечером ели засахаренные абрикосы, спрятанные в рукавах, и обещали друг другу, что доживём до старости вместе.

У этой Ханами каждое слово шло со скрипом, а взгляд скользил мимо. Пусть я больше и не придворная дама, но она ведь и не пыталась быть учтивой. Что случилось? Куда делась та самая Ханами, которую я знала?

— Посмотри на себя. И на меня. Ты вообще кто такая? — Ханами прищурилась. — Иди туда, откуда выползла.

Меня качнуло.

— Это же я, Элирия... Мы же раньше вместе рисовали... а теперь обе живём во дворце. Я подумала, что мы могли бы дружить, раз давно знаем друг друга.

— Дружи-и-ить?! Думаешь, я буду дружить с какой-то служанкой в мужских штанах? — Её голос был хлёстким, как удар бамбуковой тростью, в нём сквозило неприкрытое презрение. — Здесь тебе не деревенские посиделки. Если ты бесцельно гуляла, то мой тебе совет: возвращайся на восточную часть дворца. Павильон Зимних Сликов только для истинных леди.

— Ясно, — пробормотала, опустив взгляд на широкие рукава Ханами, и предприняла последнюю попытку: — Ханами, я по делу. Завтра праздник Цветения Сакуры под Луной, и я подумала, возможно, ты одолжишь мне какое-нибудь из

своих кимоно попроще? Я заплачу, разумеется!

В прошлой жизни мы часто менялись с Ханами и заколками, и кимоно просто так. Иногда ей что-то нравилось из моего гардероба, иногда мне — из её. Ко всему, я точно знала, что на днях ей родители подарили кимоно тёмно-зелёного цвета, которое совершенно Ханами не понравилось, ну а мне подошло бы любое, лишь бы попасть на праздник. Очень хотелось увидеть Мирана и поговорить с ним.

Последним моим аргументом были, конечно же, деньги. Дело в том, что содержание леди из павильона Зимних Слив не полагалось. Считалось, что девушки и так получают крышу над головой, вкусную еду, образование и шанс успешно выйти замуж. Если нам с Ханами в прошлой жизни и удавалось заработать несколько монет, то это случалось крайне редко. В основном, как раз на таких торжествах, как Цветение Сакуры под Луной, когда придворным дамам позволялось продемонстрировать свои таланты и кто-то из состоятельных мужчин изъявлял желание выкупить наши картины. А иметь свои деньги так хотелось! На понравившиеся заколки, браслеты, корзину фруктов, да просто чтобы порадовать близких!

И вот теперь — о чудо — мне, тени огненного клинка, наконец-то по статусу полагалось жалование. Мастер Трёх Ветров Сейджин-сан обещал, что нам будут платить каждые двенадцать дней по целых шесть сэру. Шесть! Для меня это звучало как «вот ваша персональная гора сокровищ». Я в

душе была уверена, что Ханами согласится. Что ей — одолжить на вечер нелюбимое кимоно? А ведь серебро не падает с ветвей сакуры!

— Одолжить тебе моё кимоно? — Ханами протянула слова так, будто пробовала их на вкус и находила отвратительными. — Элирия, ты меня удивляешь. Неужели ты думаешь, что я стану разгуливать по празднику, зная, что где-то неподалёку какая-то косая и кривая служанка в моём наряде позорит меня перед всеми?

«Кривая и косая служанка».

— Но... я же сказала, заплачу. — Я почувствовала, что начинаю задыхаться от её тона. В груди всё болезненно сжималось, словно туда сунули ледяной камень и холод от него расползлся по рёбрам, выталкивая из меня последние слова.

— Заплатишь? — Ханами надменно усмехнулась. — Скажи, а сколько стоит моё имя? Моя репутация? Да моя одежда провоняет тобой! Ты ещё и лисица, верно? Ну уж нет, это никаких денег не стоит. Я не опущусь до твоего уровня. Фи!

Я сделала шаг назад, затем другой, развернулась и... врезалась в широкую мужскую грудь.

— Осторожнее, Элирия, — раздался знакомый голос. Вежливый, но абсолютно равнодушный.

Я подняла голову и замерла. Медные волосы собраны в аккуратный пучок, коричневая с оранжевым форма ложится по плечам без единой складки. Миран! Что он здесь делает?

Не понимаю... В той жизни после знакомства на уроке рисования у пруда мы встретились лишь на празднике...

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Он коротко прищурился, вопрос ему не понравился, и отступил на шаг.

— Элирия, а что вы здесь делаете в такое время? — произнёс он, выделяя каждое слово. Миран глянул на Ханами, потом снова на меня. — Возвращайтесь в павильон Стальных Копий, тень огненного клинка, и впредь соблюдайте расписание для новобранцев. Здесь вы... лишняя.

Он сказал это без злобы, но с лёгким оттенком раздражения. Я хорошо изучила мимику Мирана и, несмотря на то что он мастерски умел держать лицо, всегда знала его истинные чувства. И от этого пренебрежения в мой адрес стало горько и тошно, ведь ещё недавно я помнила, как он признавался мне в любви!

«Элирия, да очнись ты уже! Очевидно, что он пришёл на свидание с Ханами, а ты всё только портишь», — шикнул внутренний голос, и мне пришлось согласиться.

— Прошу прощения, — низко поклонилась я, пряча лицо. — Я уже ухожу.

Слова давались тяжело, как будто я проглатывала острые осколки. Хотелось что-то возразить, объяснить, но я лишь крепче сжала руки в кулаки и короткими, но быстрыми шагами направилась в восточную сторону дворца.

— ...тень клинка? — донёс ветер мне в спину противное хихиканье Ханами. — Если честно, она больше похожа на тень помойного ведра.

И Миран, вместо того чтобы вступить за меня, как это делал всегда в прошлой жизни, лишь пробормотал в ответ что-то невнятное.

Глава 6. Приглашение

Общая бочка дымилась паром, но вода оказалась едва тёплой. В павильоне Зимних Слив меня купали в горячих ароматных купелях: масло персиковой косточки, массаж плеч перед сном, вся эта изнеженная жизнь. Дворцовой страже полагалось попроще: деревянная бочка да мыло из полевых трав. Зато после тренировки такая вода бодрила. Да и мыло, честно говоря, нравилось мне больше ландышевого, которым снабжали восточную часть.

Я стояла по пояс в воде, смывая пыль после тренировки. Мы с Акино и Наоко втроем делили одну бочку. Акино — почти безмолвная гора мышц с широкими плечами и мускулистыми бёдрами — чётко выверенными эконоными движениями тёрла спину. Даже в мыльной пене она выглядела так, словно готова хоть сейчас встать в строй. Пожалуй, старшие посвятят её в полноценные огненные клинки первой из нас.

Наоко рядом с ней казалась тростинкой. Она сидела в воде по плечи, плескала ладонями и болтала про новобранца из их отряда, который каждое утро кланяется солнцу и шепчет ему пожелания, а заодно про недавний праздник Цветения Сакуры.

— ...и представляешь, суёт мне веер и заявляет: вылитая актриса!

Наоко звонко рассмеялась.

«Как эти двое вообще дружат? — невольно поразились про себя. — Может, у них договор: Акино слушает, Наоко говорит?»

Но вот, вылезая из бочки, Наоко поскользнулась, и Акино мгновенно материализовалась рядом, перехватила младшую подругу за локоть и удержала от падения.

Я лишь покачала головой и шумно вздохнула. В голове застыла мысленная картинка вчерашней встречи с Ханами, как она стояла, презрительно склонив голову, и смотрела на меня словно на коровью лепёшку, которая испачкала её белоснежные носки.

Как я могла быть такой слепой в прошлой жизни и не замечать истинного отношения Ханами? Словно сквозь вату мозг стал подкидывать разные картинки... Как-то раз подруга «случайно» пролила чай мне на кимоно, а потом мило предложила своё, подчеркнув при всех, что оно, наверное, будет мне слишком велико в груди, но ничего, когда-нибудь боги смилостивятся и наградят меня формами. И ведь я тогда ещё поблагодарила! Затем вспомнился другой вечер, когда мы вместе вышивали и она, заглянув через плечо, с улыбкой заявила, что мой стежок «по-своему очаровательный... если любишь деревенский стиль». И это тоже было при Миране... Я ещё тогда рассмеялась, думая, что это шутка.

Почему Ханами со мной общалась в прошлой жизни? Уже не потому ли, что у меня было несколько хвостов и таланты?

А ведь когда наступил праздник в честь правящего принца, у неё накануне неожиданно испортился подарок... Ханами опрокинула свечку, и свиток с рисунком, над которым она работала целый месяц, загорелся. Подруга слёзно умоляла отдать ей одну из моих работ, и я поделилась изображением пруда у дворца. За ту картину принц подарил Ханам изящные канзаши[5], инкрустированные перламутром. Выходит, дружить со мной было выгодно.

Ох, ну и дура же ты, Элирия, что не замечала всего этого!

Однако всё ещё оставался вопрос, что делал Миран вчера в саду близ Зимних Слив. Это новый виток после перерождения? Почему его сближение с Ханам идёт куда как быстрее, чем со мной? Всё-таки надо сегодня поговорить с ним на торжестве. Я помню, какую еду он любит и какие стихи читает, у меня есть свои козыри... Неужели я не смогу очаровать собственного жениха?

Я выжимала волосы, размышляя о Миране, когда Наоко внезапно ткнула меня локтем, сбивая с мыслей:

— Эй, Элирия! Ты слушаешь? Я спрашиваю, пойдёшь с нами в деревню на праздник? Там будет музыка, фонари, сладкий рис с чёрным кунжутом... Фейерверки с лотосами, что раскрываются прямо в воздухе. Говорят, в этом году их зажгут маги Огненной Реки!

Обе девушки, оказывается, внимательно на меня смотрели, ожидая ответа. Ох, я так задумалась, что совсем упустила нить разговора.

— Спасибо, Наоко, но у меня другие планы. — Я улыбнулась, стараясь, чтобы голос прозвучал тепло.

— Не стесняйся, — подала голос Акино. — Мы же вместе целую неделю так выкладывались на тренировочном поле. Развеемся и вкусно поесть — это то, что нам нужно. Я дополнительно узнавала, можем ли мы покидать дворец. Старшие разрешили.

Около бочки повисла тишина. Девушки переглянулись, Наоко прикусила губу.

— Ты... уверена? — робко спросила она. — С одной стороны, это не запрещено... но с другой, ты же всего лишь тень клинка.

— Уверена, — сказала я, на самом деле не испытывая той уверенности ни на моммэ[6].

Наоко шумно выдохнула, и на её лице промелькнуло что-то среднее между восхищением и беспокойством. Акино приподняла бровь, без слов выражая сомнение. Она явно считала, я решила ввязаться в нечто, чего не понимаю до конца.

— В твоём положении... — начала Наоко и осеклась, встретившись со взглядом Акино.

— В её положении как раз и стоит иногда рисковать, — сухо произнесла та. — Но помни, Элирия, дворец — не деревня, откуда мы все родом. Здесь каждый взгляд имеет вес, а каждое слово — цену. Если опозоришься, то тебя вышлют быстрее, чем опадёт первый лепесток сакуры.

— Спасибо за совет, — серьёзно поблагодарила.

Я вылезла из бочки, набросила поверх мокрой простыни, в которой купалась, халат и попрощалась с девушками. Пока я шла в выделенную мне комнату, мысли крутились вокруг слов Акино. Сердце взволнованно билось о рёбра, и я перебирала в голове варианты, что плохого может случиться на празднике Цветения Сакуры под Луной. Ну правда, что? Пускай в этой жизни я больше не обладаю статусом леди и не имею талантов, но ведь это не значит, что память и этикет выветрились из моей головы? Я помню, как правильно держать веер и что им нельзя хлопать словно на базаре, я знаю, как нужно кланяться, куда смотреть и как держать руки, умею подавать чай и отлично «читаю воздух». Последнему умению девушек учат годами, так что в некотором смысле у меня есть даже преимущество: Ханами пригласили жить во дворец лишь в её девятнадцать лет, и получается — мои девять лет обучения против её трёх.

Я перебрала каждую вещь в своей скромной стопке одежды, но вывод был неизбежен: кимоно у меня нет — ни праздничного, ни даже простого. Значит, на торжество придётся идти в форме тени огненного клинка. Конечно, сердце упрямо шептало, что хотелось бы появиться перед Мираном красивой, как в воспоминаниях, но... похоже, не в этот раз.

Всё, что я смогла себе позволить, — это распустить рыжие волосы, позволив им мягкой волной лечь на плечи, и закрепить их канзаши с шёлковыми изумрудными цветами, слов-

но кусочек весны затерялся в моей медной пряже.

Дорожка из гладкой белой гальки вела к северному саду павильона Небесного Дракона. С каждым шагом сердце билось всё быстрее, будто боялось, что я опоздаю к какому-то важному моменту. Сумерки уже опустились, вдоль дорожек зажгли оранжевые фонари. Впереди на фоне тёмного неба ярко выделялась бело-розовая роща сакур, ветер обрывал лепестки и гнал их к тихо журчащим фонтанам. Играла музыка: сямисэн тянул ноту поверх барабанов, время от времени вступали колокольчики.

Северная часть дворца считалась парадной, ведь именно в павильоне Небесного Дракона располагались покои всех принцев Аккрийских. В прошлой жизни я не была представлена им лично, но, как и все обитатели, многое о них знала.

Старшего и правящего принца Катэля я узнала бы из тысячи — даже в толпе придворных. Он появлялся на людях с невозмутимым достоинством и почти всегда был занят чтением государственных бумаг. Говорили, что этот дракон давно разменял седьмую сотню лет, но так и не женился, чем вызывал нескончаемые споры во дворце и давал почву для сотни слухов, от романтических до самых скандальных.

Второй и третий принцы — Олсандер и Рэйден — были похожи друг на друга почти как близнецы. Ходили шепотки, что Рэйден давным-давно стал инвалидом из-за какой-то битвы и теперь предпочитал жить на Большой Земле, пряча свои увечья[7]. Не знаю, насколько это было правдой, во

дворце я его не видела ни разу. Зато Олсандер явно являлся его полной противоположностью — яркий, наглый и любящий всеобщее внимание. Девушки обожали его — в павильоне Зимних Слив и вечера не проходило, чтобы какая-нибудь девица мечтательно не заявила, что хотела бы за него замуж. Однако сам Олсандер часто приглашал в покои кого-то, но остепениться не спешил. Я в прошлой жизни побавлялась внимания второго принца. Я понятия не имела, как отказать принцу Аккрийскому, если вдруг попадусь на глаза, чтобы это не сочли дерзостью, и потому старалась держаться от северной части дворца подальше.

Четвёртый — Рёллан — единственный среди всех братьев имел рыжий цвет волос и предпочитал иноземные украшения в виде пёстрых перьев в золочёных держателях вместо канзаши. Пятый — Широ — с ранних лет изучал врачевание и редко бывал на Огненном Архипелаге, предпочитая долгие годы проводить в землях эльфов, впитывая их знания. А вот шестого и седьмого — Эвана и Явара — я не видела никогда. Поговаривали, что Явар обернулся драконом и улетел в Смешанные Земли, потому что нашёл свою истинную — ведьму[8], а Эван... был самым загадочным среди всех принцев Аккрийских, потому что о нём я не знала ровным счётом ничего.

— Стой, куда идёшь?! — внезапно из размышлений меня вырвал громкий крик.

Перед носом скрестились начищенные алебарды. Доро-

гу преградили двое воинов в небесно-голубых доспехах; на шлемах у обоих поблёскивали гребни в виде драконьих крыльев.

«Драконы! Это личная охрана принцев, получается!» — внезапно озарило меня.

— В... в северный сад, на праздник Цветения Сакуры под Луной, — выдохнула я, чувствуя, как сердце, ещё секунду назад трепетавшее от красоты вокруг, теперь грохотало в груди уже от адреналина.

— Вход только по приглашению, — хмуро сказал один, чуть наклонившись вперёд. Его алебарда блеснула лезвием в свете фонаря, и я невольно подумала, что оно слишком близко к моему плечу. — Покажи пропуск или возвращайся туда, откуда пришла.

— Я тень огненного клинка, — выпрямилась я, решив, что хоть раз в жизни звание должно принести пользу. — У меня есть жетон на проход во дворец, а согласно правилам, я имею право перемещаться по всей открытой территории и садам, если нет прямого запрета старших.

Я же не дурочка — никакого прямого запрета никто не давал. А значит — можно. К тому же в прошлой жизни я пару раз гуляла в этом саду с придворными дамами, стража только низко кланялась. Вот и сейчас — почему бы не повторить? Разве что теперь у меня нет кимоно за пятьдесят риен[9]... Но это ведь не повод разворачивать меня на входе, верно?

И тут мимо прошли три девушки, эффектно показали свитки, скосили на меня взгляды такой степени презрения, что ими можно было поджаривать рыбу, и зашушукались между собой. Я почувствовала, как щёки наливаются краской. Боги, как же стыдно-то! Завтра, очевидно, весь дворец будет говорить о том, как я унижалась, выклянчивая право пройти в северный сад.

— Послушайте... — От волнения я облизала пересохшие губы. — Я же и так ношу эту форму, то есть лицо проверенное. Хотите, можете дополнительно проверить меня магическими артефактами на злой умысел. Я могу дать слово, что мне надо только увидеться и поговорить с одним человеком. Ни есть, ни пить не буду, на меня не будет никаких затрат. Сад огромный, вмещает несколько сотен гостей, меня никто и не заметит!

— Вот ещё, — фыркнул один, тот, что стоял ближе ко мне. — Тратить на тебя энергию магического артефакта, тоже мне удумала.

— Нет приглашения — проваливай, — крикнул второй. Я растерянно отступила на шаг. Вот тебе и великий план! Застряла на входе, как мокрая лисица под дождём. И тут меня обошла ещё одна девушка: лавандовое кимоно, блёстки, вышивка, — на такую роскошь я бы копила лет десять. Плечи обнажены. Совсем! И судя по походке, никакой проблемы девушка в этом не видела.

Она кокетливо поправила причёску, стрельнула глазками

сначала в одного дракона, потом во второго, словно выбирала себе закуску к вечеру, и легко прошмыгнула мимо них на праздник.

Я пару секунд просто стояла, открыв рот, как карп, которого внезапно пригласили на чайную церемонию.

— Но вот же! Она! Вы пропустили её без приглашения! — негодуя воскликнула я, тыкая пальцем в удаляющуюся спину в лиловом.

— Появление красивой девушки всегда радует глаз и украшает праздник, — невозмутимо ответил всё тот же второй охранник.

Ага, значит, она «радует глаз», а я порчу пейзаж? Может, мне ещё и в кустах постоять, чтобы никому аппетит не испортить?

— Это несправедливо! — выдохнула я. — Я имею такое же право быть здесь, как и любая... «украшательница праздника».

— Если у тебя есть приглашение, — перебил стражник.

— Иди отсюда, тень клинка. Надень платье с вырезом побольше, сделай причёску и возвращайся, — поддакнул второй, — и мы подумаем, возможно, и пропустим тебя.

И они вместе загоготали, как будто шутка была оригинальной.

Горло сжало так, что глоток воздуха дался с трудом. Щёки горели, будто на меня плеснули кипятком, и я чувствовала, как по коже ползёт дрожь унижения.

Неужели я так и не встречу сегодня с Мираном? На тренировки новобранцев он не приходит, где точно живёт — я не знаю, да и неприлично это — к старшим без приглашения приходить. У меня же такой шанс пропадает с ним познакомиться поближе! А если я за год так и не найду способа с ним пообщаться? Мне же надо ещё будет рассказать про нападение Мёртвых Душ заранее, да так, чтобы он поверил!

Я почувствовала, как в глазах вскипают жгучие слёзы, но за спиной вдруг раздалось:

— Пропустите её!

Я сморгнула выступившие слёзы и резко развернулась на звучный голос. Передо мной стоял Яори-сан — Правое Крыло принца Эвана Аккрийского. Высокий, подтянутый, в чёрно-красно-коричневой форме огненных клинков. На груди — золотая вышивка в виде распахнутых мощных крыльев. Вечерний свет фонарей мягко скользил по его волосам цвета воронова крыла, а в глазах — чистая сталь. Он смотрел на стражу так, будто прикидывал, кого убить первым.

В груди что-то дрогнуло. Вроде бы окрик предназначался не мне, но всё равно стало... боязно, что ли.

Стражники мгновенно распрямились, убрали алебарды, словно и не было недавнего глумления.

— Госпожа Элирия-сан под моей ответственностью, — коротко бросил Яори-сан. — И впредь запомните её лицо. Она имеет право проходить в северную часть дворца.

— Да, разумеется, уважаемый Яори-сан... Мы же не зна-

ли, потому и не пускали, — сбивчиво хором забормотали стражники.

— Тогда почему та девушка прошла без приглашения? — Голос Правого Крыла дракона резал как родовая катана.

Он едва повёл бровью, указывая на удаляющуюся гостью в лиловом кимоно. Лица копейщиков приобрели оттенок снега. Их испуг и резко выступивший пот я почувствовала, даже находясь в ипостаси человека.

— Так она это... — осмелился правый, судорожно сглотив, — как леди одета.

— И что? — В голосе Яори-сана звенела сталь. — Хочешь пройти мимо личной охраны принцев, надень побольше шёлка, воткни в волосы цветок, улыбнись — и всё, ты уже «леди»? Хоть ведьма с Гномьих болот, хоть торговка тухлой рыбой с рынка? Вы даже проверить «леди» на артефактах не удосужились! А если она хочет подмешать отраву в еду самому принцу Катэлю Аккрийскому?!

Яори-сан сделал паузу, давая высказаться стражам в свою защиту, но те молчали, низко склонив головы. Тогда Правое Крыло Дракона фыркнул:

— Завтра в час зова журавля с повинной к начальнику стражи. — Развернулся и жестом показал, что я могу проходить.

Я благоразумно скользнула вперёд, хотя внутри всё замерло от волнения. Слишком уж строго звучал голос Яори-сана.

[5] Канзаши — традиционное украшение для волос. ↑

[6] Моммэ — мера веса монеты, приблизительно 3,75 грамма. ↑

[7] История Рэйдена Аккрийского рассказана в книге «Солнечное сердце». ↑

[8] История Явара Аккрийского рассказана в книге «Сердце огненного принца». ↑

[9] Риен — самая дорогая монета на Огненном Архипелаге. Один риен равен двадцати пяти сэру. ↑

Глава 7. Цветение Сакуры под Луной

— Я не госпожа! — выпалила первое, что крутилось в голове, стоило нам чуть отойти от стражи.

— Что? — Он слегка повернул голову и едва заметно прищурился. На бесстрастном лице вспыхнула искра удивления, и от этого Яори-сан стал казаться ещё опаснее и ещё красивее.

— Я не госпожа, — торопливо повторила, облизав пересохшие губы. — И при первой встрече вы назвали меня «ки-цунэ», но это не так. Я всего лишь оборотень-лисица с одним хвостом. И у меня нет статуса «леди». Вы можете обращаться ко мне просто Элирия.

Яори-сан замедлил шаг и повернулся. Теперь он смотрел на меня так пристально, что захотелось проверить, не выступила ли шерсть на скулах. В свете фонарей его глаза на миг изменились: человеческие карие зрачки вдруг вытянулись вертикальными драконьими. Смотреть в них было всё равно что стоять на краю колодца — дух захватывало!

Яори-сан медленно обвёл меня взглядом, задержавшись на кончиках волос, на линии ключицы... и вновь вернулся к лицу. Спустя неполную минуту мужчина качнул головой.

— Хм... — тихо произнёс он. — При первой встрече я

был уверен, что передо мной кицунэ. Но сейчас... Действительно. Ваша аура куда менее наполнена магией, чем я воспринял изначально.

Удивительно, но слова дракона меня ничуть не обидели. Он сказал это мягко, не стараясь унижить, просто констатировал факт.

Ну да, в прошлой жизни я действительно была кицунэ и обладала собственной магией. Вот только к двадцати трём годам я максимум пользовалась бытовыми артефактами, такими, как очиститель колодезной воды или одеяло с подогревом для холодных ночей. Настоящую магию — ту, что давали мне внезапно выросшие хвосты, — я использовать не умела, да и опасно это было — без учителя. Родители говорили, какие мои годы для кицунэ! Вырасту, выйду замуж, благородный муж обучит сам или наймёт преподавателя, а может, даже поможет поступить в институт на Большой Земле.

У мамы с папой не было денег на учителей магии, все кровно заработанные риены они тратили на занятия рисованием, пением и каллиграфией, кимоно и украшения, чтобы выдать замуж вначале старших сестёр, а затем и меня. Потому так и вышло, что о потерянной магии до сих пор я особенно не грустила: в той жизни я ещё не научилась ею пользоваться, а в этой — на простейшие артефакты собственных сил хватало. И не столько силы там нужны, сколько навыки и... деньги. Чтобы купить эти самые артефакты.

— Что касается вашего переживания насчёт обращения, — тем временем продолжил Яори-сан, — то быть леди — всё равно что быть цветком сакуры. Красота — это ведь только оболочка. Настоящее — в том, как цветок держится на ветру, как не ломается под дождём, как встречает лето, зная, что за ним рано или поздно придёт осень.

— Даже в таком случае, — тихо ответила я, чувствуя, как в груди теплеет от слов мужчины, — тогда мне ещё далеко до статуса «госпожи». Я, скорее, сорванный ветром лепесток, который несёт куда попало, и я даже не знаю, где упаду. Может, в чистую воду, а может, в пыль дороги. Вы мне слишком льстите, господин крылатый.

— Это не лесть, — возразил собеседник. — Я знаю, что вы, Элирия, сумели войти в ряды Огненных Клинков. Одного этого достаточно, чтобы сделать выводы. Немногие девушки решаются связать жизнь со службой, и лишь горстка способна пройти вступительные испытания.

Я подняла взгляд на Яори-сан и чуть улыбнулась, пряча дрожь волнения в пальцах. От мужчины веяло таким спокойствием и силой, что я мысленно поразилась себе, как в первый раз не поняла, что передо мной не простой маг или оборотень, а дракон.

Вот уже второй раз он меня фактически спасал. И если в первый, возможно, ненамеренно, то сейчас, я готова была поклясться, он сделал это осознанно. Почему он так поступил?

И словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, Яори-сан сказал:

— Я некоторое время позволил себе подслушать ваш разговор со стражей. Мне внезапно стало интересно, кого же вы так хотите увидеть на празднике Цветения Сакуры под Луной. Уж не кого-либо из принцев Аккрийских?

Последнее предположение получилось у дракона с оттенком лёгкой, почти игривой улыбки. Его голос почти сливался с шелестом крон, а в тёмно-карих глазах плясала усмешка.

Тут мы вышли к северному саду, и я на секунду застыла. Успела же забыть, как здесь красиво! Бумажные фонари на шёлковых шнурах покачивались над дорожками и заливали сад тёплым золотом. Сакуры цвели всюду, луна выбелила их розовые кроны, и казалось, над садом повисли облака. Лепестки осыпались на камни, на плечи гостей, в чашки с вином.

Господа в дорогах кимоно прогуливались среди деревьев, переговаривались вполголоса, где-то в глубине сада играла музыка. Вдоль дорожек выстроились ширмы, расписанные журавлями и волнами, между гостями сновали слуги в одинаковых лёгких халатах с подносами, полными закусок.

Сложно было не заметить наследного принца, окружённого толпой учёных мужчин в белых одеяниях. Чуть позади них кружком расположились леди из павильона Зимних Слив. Они украдкой бросали взгляды на принца Катэля и протяжно вздыхали.

— Если у вас дело к Катэлю Аккрийскому, то я могу представить, — предложил Яори-сан.

Я отрицательно покачала головой. К наследному принцу? Ну уж нет! Я и в прошлой жизни не была ему представлена, только время отнимать у уважаемого правителя Огненного Архипелага. Зачем?

— Его высочество Олсандер? Рёллан? — тем временем перечислял Яори-сан, явно заинтригованный целью моего визита.

Принцев Олсандера и Рёллана я тоже быстро нашла взглядом. Правда, если первый стоял в цветнике леди из павильона Зимних Слив и был центром женского внимания, то второй — дурачился и хвастался перед тремя драконами, как ловко может перерубить ветвь сакуры своей катаной.

— Его высочество Широ?

Уважаемый исэи, как и следовало ожидать, нашёлся среди делегации эльфов. Я запоздало вспомнила, что действительно в прошлом году к нам приезжали гости из соседней страны. Они почти все были светловолосы, при этом пряди сплетались в причудливые косицы, а вместо многослойной струящейся ткани тяжёлых кимоно — узкие штаны и непривычно длинные жилеты, перехваченные широкими поясами. Жаль, что я точно не помнила, из-за чего происходили ссоры у драконов с эльфами, но отношения всегда были очень напряжёнными.

— Нет, — ответила я, опережая очередной вопрос Яо-

ри-сана. — Не стоит утруждаться, я здесь не ради знакомства с принцами и даже не ради эльфов.

Я наконец среди множества гостей рассмотрела обтянутую парадным кимоно спину Мирана и облегчённо выдохнула:

— Я ради него. Извините, мне надо отойти.

— Ради него? — На лице собеседника отразилось недоумение, но мне было всё равно. Я уже спешила к жениху из прошлой жизни.

Сверкая белозубой улыбкой, он что-то обсуждал с огненными клинками. Пока я пробиралась, некоторые дамы оборачивались, украдкой бросая на меня презрительные взгляды. Кто-то замедлял шаг, чтобы разглядеть форму внимательнее, кто-то прикрывал рот веером, и даже разок до меня донеслось: «Фи! Кто это? Могла бы одеться на праздник и получше».

Я усилием воли отстранилась от перешёптываний и поздоровалась с Мираном. Но не кулак в ладонь, как младшая старшему по службе, а ладони вместе и низкий поклон — как дама. Мужчины вокруг тут же оценили мой жест и отошли чуть поодаль, оставив нас условно наедине.

— Я не думал, что увижу вас здесь, Элирия.

Миран, замешкавшись, всё-таки тоже поклонился. Не на военный манер, а как знакомой девушке. В груди всё вздрогнуло от волнения.

— В этой форме вы больше напоминаете боевого товари-

ща, чем гостью праздника. Не подумайте ничего плохого, я просто удивлён, что вас в этом пропустили в сад принцев Аккрийских.

— Может, так даже удобнее, — я постаралась отшутиться. — Кто станет разглядывать тень огненного клинка? Ночью тени незаметны.

Шутка повисла в воздухе. Миран ещё раз оглядел мои наплечники и пояс — не то смущённо, не то растерянно.

— Простите, Элирия, — пробормотал он. — Не ожидал вас увидеть... такой.

Я раздосадованно прикусила губу. Такими темпами светской беседы нам не построить. Стоило ли таких трудов пробираться через стражу, спорить, унижаться, пытаться попасть в сад при павильоне Небесного Дракона, если Миран не видит ничего, кроме моей формы?! Думай, Элирия, думай!

В прошлой жизни у нас было столько всего общего! Надо о чём-то завести разговор... Нельзя же ведь, подобно налетевшему без предупреждения ветру, рассказать Мирану о грядущем прорыве Мёртвых Душ! О чём чаще всего мы говорили в той жизни? О моей живописи и пении, в которых я теперь, увы, совсем несведуща...

— Здесь красиво. Не находите? — Бывший жених прервал молчание первым и указал на цветущие кроны. — Сакура в этом году особенно пышная.

— Да, — кивнула я.

Это совсем не то, чего я хотела добиться. Человек, который когда-то читал мне стихи собственного сочинения, теперь говорил со мной про сакуру. И ни звон смеха вокруг, ни музыка не могли перебить этого — мы стали чужими друг другу.

Мои ответы выходили короткими, его вопросы — вежливыми, и не более. Отчего в прошлой жизни с ним было так легко, а теперь я двух слов связать не могу? Раньше мы ведь не обменивались дежурными фразами. Мирана было не оторвать от историй, легенд, любопытных мелочей...

Раньше я могла болтать с ним до хрипоты — про архивы, про способы сушки кистей, про чиновника третьего ранга, который двести лет назад вынес из казны бочку туши и утопил в ней соперника. А теперь сижу и выдавливаю из себя что-то про погоду. Позор.

Хотя... истории. Миран же ими живёт, надо только подбросить что-нибудь подходящее.

А это идея!

— Миран-сан, мне няня в детстве рассказывала, что лепестки сакуры — души воинов, которые не вернулись домой. Я потом полночи ревела и неделю обходила цветущие деревья стороной. Она сама это выдумала?

— Что вы! Это из хроник «Падших Самураев», третий свиток. — Миран разом забыл, что весь вечер меня стеснялся. — Только ваша няня напутала: не души, а дыхание. Каждый лепесток — один выдох павшего. Если лепесток упадёт

в ладонь девушке, то между ней и воином, живым или ушедшим, навеки зарождается связь.

Я вытянула руку ради шутки. В ладонь легли сразу два лепестка.

— Ого, — я рассмеялась. — И что это значит? Может, мне полагается второй шанс на судьбу? Как думаете, Миран-сан?

Он почему-то смутился и опять покосился на мою форму. Смеяться расхотелось; между нами снова встала та же неловкость. Ну что ж такое!

Из глубины сада ударил гонг. Гости стихли и начали расступаться от каменной площадки, на которую ровным слоем ложились лепестки.

— Начинается официальная часть, — вполголоса сказал Миран.

Слуги мелко просеменили вдоль края площадки, зажигая фонари один за другим. Запахло сандалом, он мешался со сладким духом цветущих деревьев. Первый принц Катэль Аккрийский передал свитки помощникам и вышел вперёд.

— Почтенные господа, благородные дамы! В праздник Цветения Сакуры под Луной мы вновь обретаем связь с предками. Ветвь в цвету напоминает нам: жизнь коротка, и потому всякое её мгновение — дар. Сегодня наш сад стал ещё богаче, ибо я имею честь приветствовать гостей из дальних земель. — Катэль изящно взмахнул кистью в сторону эльфов. — В знак дружбы и союза они согласились показать нам искусство своих предков — заморские танцы, которых

ещё не видел наш Огненный Архипелаг. Прошу уделить внимание их мастерству.

Он склонил голову перед делегацией — уважительно, но не ниже, чем позволено правящему дракону. Из строя выступили трое эльфов и эльфийка, все четверо тонкие, высокие, в серебристых одеждах. Они вышли на середину площадки, обменялись непонятными мне жестами, и каждый направился в публику — приглашать. Один протянул ладонь юной драконице в золотом кимоно, второй — почтенной даме в чёрном, с журавлями по подолу, третий с низким поклоном увёл леди из павильона Зимних Слив. Эльфийка помедлила, обвела взглядом гостей и выбрала юношу из свиты самого Катэля Аккрийского.

Музыка возникла будто из ниоткуда: длинные протяжные звуки переплелись с лёгким перебором кото, и поверх этого ритмично ударяли маленькие барабаны. На Огненном Архипелаге существовали танцы, но исключительно как женский талант — с веерами. Крупные и тяжёлые веера, которые носили название ооги, иногда обтягивались шёлковой тканью, реже — украшались крупными перьями павлинов, но суть не менялась — руки танцовщицы должны были двигаться так искусно, чтобы в воздухе оставался след.

Сейчас же я во все глаза смотрела на сдержанные и синхронные движения пар с мягкими изгибами рук и едва уловимыми поклонами. Круг, лёгкое приседание, соприкосновение ладоней на миг — и снова шаги по кругу, но уже в дру-

гом направлении. Эльфы двигались почти бесшумно, а их партнёры подстраивались под ритм незнакомого искусства. Лица многих зрителей озарились восторгом и недоумением одновременно: такого танца Огненный Архипелаг ещё не видел.

Постепенно на белокаменную площадку стали выходить и другие пары, центр северного сада наполнился неспешным движением. Я не утерпела и стрельнула взглядом в Мирана.

— Потанцуем? — произнесла еле слышно, почти одними губами, потому что сомневалась, настолько по этикету девушке приглашать на танец мужчину.

Миран явно колебался... Вроде бы и хотел, но что-то ему явно мешало. Я видела это по глазам, я читала мимику, которую так хорошо знала по прошлой жизни. И в тот момент, когда он решился и качнулся в мою сторону, позади вдруг раздалось:

— Миран-сан, сделайте мне приятное, пригласите на эльфийский танец.

Миран замер. Я резко обернулась. В светлой парче, усыпанной вышитыми ветвями цветущей груши, появилась Ханами, в причёске — драгоценные канзаши в тон платью, на лице — искусный макияж.

— Конечно, леди Ханами. Окажите мне честь, называйте меня просто «Миран».

И подал ей локоть.

Она прошла мимо вплотную, подолом кимоно задев мою

форму. На миг она наклонила голову в мою сторону и шепнула, не разжимая губ:

— Не смей приближаться к нему, Элирия. Пожалеешь. Он мой. Потом не говори, что не предупреждала.

Улыбнулась как примерная воспитанница и увела его за спины гостей. Я стояла, чувствуя себя потерянной. Мой жених сейчас выбрал другую. Мы разговаривали с ним, у него ко мне явно проснулась симпатия... но он ушёл танцевать с ней! Это из-за отсутствия кимоно, получается? Он не увидел во мне леди, и эта ерунда смогла перевесить?

— И ради этого огненного клинка вы так рьяно просились в сад?

Глава 8. Подлый фонарь

Конечно же, это был Яори-сан. Конечно же, он тут же предложил мне потанцевать, но я, ведомая чувством непонимания и обиды на Мирана и на Великую Прядильщицу Судьбы, отказалась. Не хватало ещё того, чтобы дракон делал это из сочувствия. И как-то само собой сложилось, что мы с Правым Крылом отделились от общей площадки с танцующими, пошли по узкой дорожке вдоль огромного пруда с карпами.

Водная гладь в свете звезд и луны казалась чёрным зеркалом. Фонари здесь висели на деревьях и натянутых верёвках — их было меньше, но они были куда более громоздкими и сделанными не из тонкой бумаги, а из бамбуковых досок.

Какое-то время мы шли молча, гравий хрустел под ногами. Я так расстроилась из-за Мирана, что не было сил поддерживать светский разговор. Яори-сан явно относился к категории чутких мужчин, а потому первую половину круга тоже молчал. На второй осторожно произнёс:

— Элирия, я заметил, что на празднике ваш взгляд слишком часто искал мужчину в форме огненного клинка с медными волосами. Вас что-то с ним связывает?

Я чуть было не споткнулась, не зная, как правильно отреагировать на этот вопрос. Первым порывом хотелось крикнуть «он мой будущий муж! Я пережила его смерть и всё

отдала, лишь бы он жил», но всё же я удержалась от необдуманных слов. Кто поверит в то, что ко мне явилась сама богиня Веретена и отмотала время вспять, но лишь только для меня одной? Правильно, никто. А вот о том, что я нагнулась пыльцы цветущего мха с Гномьих болот и сошла с ума, подумает каждый второй. И тогда прощай моё место во дворце.

— Нет, нас ничего не связывает, — постаралась ответить как можно ровнее.

— Ничего-ничего? — Яори-сан прищурился. Длинные тёмные ресницы в свете ближайшего фонаря отбрасывали тени на высокие скулы. — Может, ваши родители договаривались о свадьбе, когда вы были детьми? Или вы ходили в одну школу? Когда-то жили в соседних деревнях до переезда на главный остров Огненного Архипелага?

— Нет, господин крылатый. — Я отрицательно покачала головой. — Я познакомилась с Мираном-саном лишь неделю назад и просто... — Я судорожно пыталась подобрать подходящее объяснение, чтобы меня не сочли ненормальной. — Вы верите в Судьбу?

— В Судьбу? — Мужчина сверкнул тёмно-кариими глазами. — Великая Прядильщица сплетает нити судеб, это знают даже дети... но я не склонен верить в предрешённость. Каждый рождён с дарами — боги кладут зерно в ладонь новорождённого, и оно, разумеется, влияет на росток его будущей жизни. Разве можно отрицать очевидное? Кто ловко

владеет иглой, станет мастером кимоно или обуви, а не кормчим на море. Кто сильнее дружит с огнём, пойдёт в кузницы, а не в книжники. А тот, в ком море звучит под кожей, неизбежно потянется к паруснику, а не к ткацкому станку. Но в конце пути — всегда выбор человека. Сваливать всё на неведомые высшие силы... значит уподобляться ребёнку, который винит ветер в том, что оступился на лестнице.

Я кивнула, полностью согласная со словами Яори-сана. Действительно, перекладывать ответственность на богов — глупо. Но сейчас речь о моём женихе. Немного поразмыслив, я сказала:

— У меня есть смутное ощущение, что с Мираном-саном должно произойти что-то плохое. Это хм-м-м... моя склонность. Чувствовать его. Однако если я буду рядом, то этого не произойдёт.

— О как. Тогда понятно, — задумчиво кивнул собеседник, а в уголках его губ промелькнула тень какой-то печальной улыбки.

Теперь уже я настороженно прищурилась:

— Что вам ясно, Яори-сан?

Он остановился и внимательно на меня посмотрел. Показалось, что мужчина задержал взгляд на моём лице чуть дольше, чем позволял этикет, но я отмахнулась от этой мысли.

— Всё предельно ясно, Элирия. Ваши глаза сами выдают тайну, — тихо произнёс собеседник. И после короткой паузы

добавил чуть глуше: — Вы влюблены в Мирана-сана.

Первым порывом было всё отрицать, но вторым... А собственно, почему я это должна делать? Да, Миран обращает на меня в этой жизни внимания не больше, чем на служанку, но ведь это не меняет моих чувств к нему.

Я не стала возражать, а вместо этого решила перевести разговор.

— Яори-сан, а вы вот когда угадывали, ради кого я в северный сад пришла, почему только принцев Аккрийских называли?

— Ну, это же логично. Все хотят быть им представлены, — пожал плечами собеседник.

— А почему не называли принца Эвана?

— Что? — Мужчина так резко остановился и обернулся, что полы алого плаща взмыли в воздух. Я мысленно порадовалась, что шла рядом, а не позади. Чего доброго, некультурно врезалась бы в спину столь высокому господину!

Тень от фонаря упала на мужское лицо, высветив резкий изгиб губ, и в этот миг он показался почти чужим — слишком красивым, слишком недосыгаемым... Впрочем, драконы всегда славилась своей необычной красотой.

— Ну, вы перечислили принцев Катэля, Олсандера, Рёллана и Широ. — Я старательно принялась загибать пальцы. — Рэйдена называть не стали, но ходят слухи, что он живёт в своём замке на Большой Земле в уединении из-за увечий, а Явар — самый младший — учится в далёких Смешанных

Землях. Остался седьмой — Эван. Почему вы его не упомянули?

— Так... может, его тоже нет на Огненном Архипелаге?

Яори ответил вопросом на вопрос, не скрывая насмешки, но почему-то мне послышались в голосе ноты волнения.

— А где же он тогда? — резонно отметила я. — И самое главное, почему **вы**, его Правое Крыло, здесь, когда он где-то в другом месте?

— Действительно... Вы правы, Элирия. Логику у вас не отнимешь, — пробормотал Яори чуть-чуть помолчав. — Бывает так, что существо ищет своё место в мире, и даже если он рождён принцем, его сердце может не принадлежать дворцу. Принц Эван... — Мужчина взмахнул рукой, явно пытаясь жестом что-то объяснить. — Много путешествует. Он тоже учился раньше в Смешанных Землях. Я сейчас занимаюсь гхм-м-м... некоторыми его делами.

В мягком сиянии фонаря, под которым мы остановились, черты Яори-сана выглядели так, словно он весь был высечен из тёмного нефрита.

— Вы тоже, получается, долго жили в Смешанных Землях и вернулись где-то с полгода или год назад, — задумчиво сказала я, разглядывая густые волосы дракона, часть из которых была убрана наверх, по моде Огненного Архипелага, а часть едва касалась плеч.

— Почему вы так решили? Откуда такие временные рамки?! — изумился собеседник и... напрягся.

— Ну как же, — уже в свою очередь удивилась я. — В Смешанных Землях мужчины носят длину не больше фаланги пальца. У нас — и оборотни, и маги, и тем более драконы предпочитают отпускать волосы ниже лопаток. Судя по причёске, вы долго гостили в Смешанных Землях, потому что, путешествуя на короткий срок, обрезать бы волосы не стали. Но исходя из того, что они уже отросли по плечи, я делаю вывод о пребывании здесь около семи-восьми месяцев. Я угадала?

— Хм... — пробормотал Яори-сан. — Ваши наблюдательность и логика достойны похвалы, Элирия.

Он чуть склонил голову.

— Значит, я права?

Я улыбнулась, но внутри кольнуло странное чувство. Как будто бы, обсуждая его причёску, я делала что-то непозволительное или даже запретное. Ерунда какая-то. Это приличная тема для разговора!

— Правы, — нехотя кивнул собеседник и поджал губы.

— А у принца Эвана какая?

— Что «какая»? — дёрнулся Яори-сан. Я подумала, что впервые вижу дракона каким-то нервным.

— Ну... причёска.

— Примерно такая же.

— М-м-м, — промычала я, понятия не имея, что спросить ещё. Какая-то мысль металась на краю сознания, как мотылёк вокруг огня, но я никак не могла её поймать.

Почему-то вдруг показалось, что есть странное сходство между Яори-саном и рисунками в книге, которые я видела в прошлой жизни... Вспомнить бы, что за книга это была. Кого-то мужчина мне точно напоминал, вот только кого?

В этот момент налетел порыв ветра. Тяжёлый фонарь над головой Яори-сана резко качнулся. Я не успела подумать — лишь испугалась. Тело действовало рефлекторно: я схватила несопротивляющегося дракона за руку, шагнула назад, освобождая место, и рывком притянула его к себе.

И только спустя секунду после поняла, что произошло. Между нашими лицами осталось не больше фаланги пальца. Мои пальцы обхватили его запястье, ладонь чувствовала тепло его кожи. Мы стояли слишком близко. Я — с бешено бьющимся сердцем, он — удивлённый.

— Вас могло убить! — выдохнула я ему в лицо.

— Меня?.. — Изящные чёрные брови поползли на высокий лоб. — Как?

Громоздкий бамбуковый фонарь, между тем, действительно сорвался... но не упал. В последний миг его подхватила невидимая сила. Он застыл над тем местом, где стоял Яори-сан, будто пойманный в невидимые воздушные сети. Я почувствовала себя полнейшей дурой... Магия! Ну конечно же, никто не даст раскроить голову гостям северного сада упавшим фонарём!

«Браво, Элирия, ты официально победила в номинации "Как облажаться за три секунды". Аплодисменты, — заклю-

чил внутренний голос. — Ты уверена, что дракон не справился бы с фонарём? Только выставила себя паникёршей, а его не пойми какой неженкой. Так и надо поступать с воинами, ага...»

Чувствуя, как от стыда краска заливает лицо и уши в тон волосам, я вновь попыталась шагнуть назад, вот только там уже были высажены кусты рододендрона, и тактическое отступление оказалось невозможным. Яори-сан же даже не стремился подвинуться в сторону, кажется сполна наслаждаясь сложившейся ситуацией.

— Я подумала, что фонарь сейчас сорвётся и раскроит вам голову... Простите, Яори-сан, — пробормотала, не зная, куда деть глаза от стыда.

— Это гасят дополнительные фонари, которые зажигали для эльфийских танцев, — тихо рассмеялся мужчина. — Магический поток удерживает их, чтобы не было падений. Всё предусмотрено. Они не срываются, а медленно левитируют на землю. Маги воздуха обо всём позаботились заранее. Посмотрите сами.

Я бросила взгляд за плечо мужчины и убедилась, что он прав. Огромный светильник в деревянном каркасе действительно опускался. Медленно. До оскорбления медленно. Настолько, что я ещё раз почувствовала себя выдающейся идиоткой: ну как можно было за всю прошлую жизнь ни разу не заметить этот лентяйский механизм в северном саду? Видимо, я просто никогда не гуляла здесь настолько поздно. Или

светильник специально ждал именно моего появления, чтобы унижить меня.

— Простите меня, — повторила я ещё раз, чувствуя, как внутри всё сворачивается в один гигантский клубок из неловкости, паники и желания провалиться в удобный вулкан с пеплом.

Браво, Элирия.

Хватать руками незнакомых мужчин — затея сама по себе так себе. Но я умудрилась вцепиться не в стражника и не в писаря, а в Правое Крыло принца. В высокопоставленного дракона. Спасибо, что хоть не в самого принца Аккрийского — подозреваю, для таких случаев наказание придумывают отдельным указом.

Яори-сан предложил эльфийский танец, где даже прикосновения необязательны, а ты тремя делениями клепсидры[10] позднее вцепилась в его запястье так, словно вы любовники!

Чудесно. Просто восхитительно. Что он о тебе подумает?! А разница в рангах? Ха! Целая пропасть. Ты — невесть кто, случайная гостья в саду, стража даже пропускать не хотела. Он — доверенное лицо принца, тот самый, перед кем кланяются даже те, у кого позвоночник дубовый. И тут ты такая вся... лапаешь его, как будто проверяешь, есть ли пульс у полубога.

От нахлынувшего стыда хотелось провалиться в Нижний Мир.

Запястья издревле считались на Огненном Архипелаге очень интимной частью тела, ведь не зря во всех одеждах, от дырявых рубах моряков до торжественных кимоно, такие длинные и широкие рукава.

— Простите, — в третий раз сказала я.

«Чудесная речь, да. Словарный запас философа, не иначе», — припечатала совесть.

— За что? — Мужчина напротив так и не сдвинулся с места, лишь рассматривал мои красные уши и лицо.

— За то, что потрогала вас без разрешения, Яори-сан... за запястье.

— Хм-м-м.... Элирия, ну раз стоим в такой позе и ты меня схватила, как будто мы давно пьём чай из одной чашки, то предлагаю перейти на «ты». Разрешешь? — негромко произнёс Яори-сан, и я, кажется, окончательно окрасилась в цвет спелого граната.

В его голосе не было ни укора, ни возмущения. Скорее, лёгкая насмешка, тёплая, как янтарь, который хранит в себе лето.

«Давно пьём чай из одной чашки».

Этот мужчина не стал употреблять ничего откровенного и грубого, как я в своих мыслях. Даже в такой ситуации он умудрился выразить мысль тонко и изящно, как лёгкий ро-счерк кисти на свитке. Правое Крыло принца, что уж тут. Выше по иерархии только сам принц.

— Да, разрешаю, — выдохнула я и поразилась, насколько

охрипло прозвучали мои слова. — Яори.

— Тогда предлагаю вернуться на торжество, раз освещение здесь вот-вот погаснет. А то мало ли ты решишь воспользоваться этим моментом и потрогать меня где-то ещё. — Дракон неожиданно подмигнул, а я... прикусила губу.

Как же неловко-то получилось! Приличная леди никогда бы не попала в такой просак. Это всё подлый фонарь!

[10] Клепсидра — сосуд с маленьким отверстием, из которого тонкой струйкой вытекает вода, используется как часы. Одна клепсидра приблизительно равна одному часу, одно деление — десяти минутам. ↑

Глава 9. Таланты

Мы подошли к центральной площадке в саду как раз тогда, когда Катэль Аккрийский объявил последний танец. Судя по тому, что Миран всё ещё танцевал с Ханами, он провёл с ней весь вечер, или, точнее, всю ночь. Яори проследил за моим взглядом, шумно вздохнул и предложил:

— Хочешь, я отвлеку ту леди в персиковом кимоно, а ты поговоришь с огненным клинком?

Конечно же, я согласилась.

Стоило Яори подойти к танцующей парочке, как раскрасневшаяся Ханами раскланялась с Мираном и тут же сосредоточила всё внимание на драконе. Мой бывший жених откинул влажные медные волосы, украдкой промокнул пот рукавом и сел на одну из разложенных циновок по периметру площадки. Тут-то я его и подкараулила.

— Замечательно танцуете, Миран-сан, — произнесла, опускаясь рядом на колени.

Он обернулся, бросил на меня расфокусированный взгляд и отрывисто кивнул, вновь вцепляясь взглядом в Ханами.

— Спасибо. Это мой первый раз. Никогда раньше не танцевал.

Я кивнула, будто соглашаясь, хотя на самом деле думала о другом. Его внимание явно было приковано к гостям, а не ко мне, и это даже упрощало задачу. Не нужно строить лишних

мостов — я могу прощупывать почву без опаски, что он что-то заподозрит. Кто знает, когда мне выпадет ещё раз такой удобный шанс?

— Знаете, Миран-сан, а я вот волнуюсь.

— Да? — Мужчина изобразил вежливый интерес. — Почему же?

— Ну как же... сегодня здесь собралось так много стражи... и личной принцев, и огненных клинков. — Я подбородком указала вначале на прогуливающихся в отдалении мужчин в небесно-голубых доспехах, затем на мастеров Трёх и Пяти Ветров в огненно-коричневой форме, которые тоже были приглашены на праздник. — А вдруг... я не знаю... нападение какое? Прорыв Мёртвых Душ?

— Прорыв Мёртвых Душ? — эхом откликнулся Миран. — Глупости какие, прорывов не было уже много лет. Если бы ткань между Мирами истончилась, то драконы или кто-нибудь ещё точно почувствовал бы, — отмахнулся бывший жених.

Я открыла рот и... закрыла, не зная, как возразить. Сама я в этой жизни магией почти не обладала, Миран тоже являлся оборотнем лишь по отцу — скорее номинально. Его аура светилась магией не сильно ярче, чем моя. И так уж на Огненном Архипелаге за множество поколений сложилось, что драконы, как существа высшего порядка, должны обо всех заботиться. Уж кто-кто, а они «точно почувствуют приближение Мёртвых Душ из Нижнего Мира», «точно защитят»,

«при их правлении точно всё будет в порядке». Вот только я хорошо помнила, что в прошлой жизни прорыв случился неожиданно. Его никто не смог предвидеть. Опять же, даже Рэйден Аккрийский, судя по всему, несколько десятков лет назад был покалечен Мёртвыми Душами, что навевало мысли о том, что драконы правящего рода не всесильны и предсказать судьбу не могут.

— Ясно... — пробормотала я, судорожно кусая губы и думая, как бы подступиться к Мирану. — А если вам вдруг предскажут смерть в ближайшее время, как вы поступите?

— Я умру? — На этот раз мужчина обернулся, вскинул брови, а потом запрокинул голову и рассмеялся так звонко, что несколько гостей на ближайших циновках обернулись.

Миран неспешно провёл рукой по влажной шее и усмехнулся:

— Право, Элирия, я сразу заметил, что вы пытаетесь меня поддеть, привлечь внимание... Но барышне не пристало так явно вешаться на мужчину. Даже если вы не связаны обещаниями и не держите титула леди, всё же существуют границы приличий.

Я почувствовала, как щёки вспыхнули, будто меня застукали за чем-то непристойным. Снова. Вот только на этот раз не глупая паника из-за фонаря, а ещё хуже — я действительно выставила себя навязчивой и жадной до мужского внимания. Стыдно, неудобно, неуместно.

Но при всём этом я не могла позволить себе не подойти к

Мирану. Как бы жалко и смешно я ни выглядела в его глазах — его жизнь слишком важна. Его смерть станет для меня куда большей катастрофой, чем потоптанное самолюбие.

Миран слегка прищурился, разглядывая меня, а потом снова отвлёкся на танцы, демонстрируя беззаботность:

— Ну кто меня может убить, Элирия? Огненный Архипелаг давно ни с кем не воюет. С эльфами да, напряжение есть, но даже сейчас их делегация в этом дворце. Войны не предвидится. Пираты? Это забота водных драконов. Даже если столкновение и будет — максимум с неотёсанной деревенщиной, а любой огненный клинок, разумеется, сильнее и ловчее.

Он похлопал себя ладонью по груди — жест одновременно насмешливый и гордый:

— Здоровье у меня с детства крепкое, кровь волков в жилах бурлит. Яды разве что... но их используют не против охраны, а сразу против принцев и их ближайшей свиты, так что тут я тоже защищён. Я понимаю, что вы во дворце недавно, но вот вам мой совет. Вы не оракул, Элирия, и я сомневаюсь, что можете предсказывать будущее точнее дворцовых оракулов. Не говорите таких легкомысленных вещей, иначе выставляете себя в дурном свете.

Я только открыла рот, чтобы что-то возразить, как щёку пронзила боль. Я вскинула взгляд и увидела Ханами. Её ярко накрашенные губы были сжаты в тонкую линию, ноздри покраснели, а глаза метали искры. «Я же предупреждала, что

Миран мой!» — буквально светилось на её разъярённом лице.

— Леди Ханами, осторожнее! — позади раздался почти что рык Яори. И выражение лица бывшей подруги мгновенно сменилось: агрессия испарилась, оставив только испуг и сладенькую улыбку.

— Ой, простите, случайно задела тебя, Элирия! Не заметила! — сказала она заискивающе тоненьким голоском. — Это всё мой новый веер, никак не могу приспособиться к его весу.

«Ага, с металлическими спицами», — подумала про себя, вспоминая, какие веера предпочитали брать с собой девицы из павильона Зимних Слив, когда шли куда-то на ночь или за стены дворца. С точки зрения мужчин — ерундовая женская штучка, с точки зрения девушек — полноценное оружие самозащиты от всяких матросов и выпивох... Да и слово «новый» к вееру едва ли применимо. По прошлой жизни я прекрасно помнила, что эта вещица у Ханами уже года три, не меньше. Однако этикет требовал растянуть губы в улыбке и склонить голову.

— Ничего страшного, леди Ханами.

Я чувствовала, как на щеке выступили капельки крови, но поделаться с ними ничего не могла. Щека горела так, словно к ней приложили раскалённый уголь.

Бывшая подруга в ответ тихо хихикнула, прикрывая рот тем самым «новым» веером, но в её взгляде всё ещё плясали

хищные огоньки.

— Ах, как приятно, что ты всё понимаешь с полуслова, Элирия, — произнесла она, подчёркивая интонацией обращение как к нижестоящей по рангу, и добавила, указывая на моё место рядом с Мираном: — Позволь, я сюда сяду?

Я хотела подвинуться, чтобы не вызывать и дальше жгучей ревности этой ненормальной, как неожиданно вмешался Яори:

— Леди Ханами, вы, должно быть, ошиблись местом. Эта циновка занята. — На лице мужчины проступило отстранённое вежливо-учтливое выражение. — Ко всему, если благородная дама не умеет владеть даже собственным веером, то, быть может, ей не стоит находиться так близко к огненным клинкам? Знаете ли... неумелое движение легко можно счесть не неловкостью, а нападением. У воинов, как известно, свои рефлексy. Во-о-он там, у куста жасмина, я вижу свободное место, даже несколько. Думаю, с вашим... изяществом в обращении с аксессуарами оно подойдёт куда лучше.

Это было тонко.

Так тонко, что Ханами покраснела от напряжения, потому что, с одной стороны, она поцарапала меня — тень огненного клинка, с другой — хотела сесть рядом с Мираном. Не найдя подходящих слов, Ханами вынуждена была поклониться Правому Крылу Дракона и отойти. Миран проводил её долгим взглядом, но благоразумно возражать не стал. Уступать своё место, что занятно, тоже.

Я тихо выдохнула, а Яори внезапно опустился справа от меня, опёршись коленями на край циновки (как он вообще туда уместился?), и дотронулся до моего подбородка.

— Что ты делаешь? — у меня вырвалось непроизвольно.

— Я всё же дракон и немного смыслю во врачевании. — Мужчина как ни в чём не бывало продолжил трогать моё лицо. — Сейчас уберу твою царапину. Ты же не хочешь, чтобы остался шрам?

Шрама я точно не хотела, а потому пришлось покорно кивнуть. Было странно и тревожно ощущать дыхание чужого мужчины так близко к своей коже, особенно здесь, рядом с Мираном. Сам бывший жених за последний год касался меня считанные разы: он свято придерживался древних обычаев и повторял, что не хочет запятнать мою честь перед взором богов.

В том месте, где только что чувствовалась острая боль, защипало. Приятное тепло поползло и распространилось до глаза и носа, хотя по ощущениям царапина была меньше. Пока Яори незаметно колдовал над моей внешностью, эльфы, драконы, оборотни и люди разошлись по циновкам. Маленький сухенький слуга, мелко-мелко семеня, подбежал к гонгу и ударил молоточком в медные пластины, призывая к тишине.

Принц Катэль выступил вперёд, и даже шелест длинного кимоно по циновкам прозвучал торжественно. Он поднял ладонь, и его голос разлился по площадке:

— В ночь, когда сакура зацветает, мы собираемся, чтобы воздать честь богам и предкам. Цветение — это не только красота, но и напоминание: всякая жизнь мимолётна, и потому каждый миг достоин того, чтобы быть наполненным искусством.

Он сделал паузу, взглядом обводя лица собравшихся.

— Согласно традиции, передающейся из года в год, из поколения в поколение, благородным дамам предоставляется право показать, чем наделили их небо и боги. Кто-то явит силу чарующего голоса, кто-то — мастерство пера или кисти, кто-то сложит прекрасное и полное глубоких смыслов стихотворение. Каждая искра таланта достойна быть увиденной и услышанной так же, как и каждый бутон сакуры достоин того, чтобы им восхитились.

Гости склонились в поклоне. Принц Катэль Аккрийский обвёл площадку взглядом, задержался на циночках, где сидели леди из павильона Зимних Слив, и добавил:

— Если чьё-либо творение тронет сердце гостя, пусть тот осмелится выкупить его, воздавая честь и мастерству, и самой леди. А для работы, что затмит прочие и станет жемужиной вечера, я приготовил особый дар.

Он повёл ладонью к свёртку ткани. Та отливала жидким серебром. Кто-то ахнул, по рядам зашептались.

— Это лунный шёлк, который передала с послами сама эльфийская императрица. Каждая нить в нём соткана из дыхания тысячи шелкопрядов, что питались на священных ту-

товых рощах за пределами гор. Полотно хранит в себе их тихий шелест, и потому оно сияет так, словно в глубине переплетённых волокон до сих пор спит лунный свет. Так как у меня нет дамы сердца, я объявляю сегодня этот подарок наградой победительнице. Прошу вас, леди, явите нам красоту искусства, которым вас наделили боги. Ведь оно — сокровище, не подвластное времени.

Гости возбуждённо зашептались, то тут, то там послышались охи и вздохи, а также потрясённое «лунный шёлк! Настоящий! От самой императрицы!».

Надо было уходить. По большому счёту, глаза уже давно слипались, спать хотелось ужасно, и сейчас был самый правильный момент встать и уйти. Но Яори продолжал колдовать над моей щекой, и просто так подняться, прервав дракона, было неудобно и... некультурно, что ли. А потому я молча смотрела, как на площадке вновь засуетились слуги, переставляя фонари, а несколькими ударами сердца позднее одна за одной стали выходить девушки в богато расшитых кимоно и демонстрировать свои таланты.

Одна играла на сямисэне, и звуки тонких струн текли, словно капли весеннего дождя по бамбуку. Другая развернула свиток со свежими иероглифами, написанными так, будто каждый штрих дышал воздухом горных вершин. Третья пела, имитируя голоса разнообразных птиц. Четвёртая прямо посередине площади слепила из розовой глины чудесную вазу. Пятая продемонстрировала искусство складывания бу-

маги — из тончайшего листа, покрытого узором облаков, её пальцы ловко свернули журавля. Когда девушка подула на него, он чуть дрогнул, словно готов был взмахнуть крыльями и улететь. Гости ахнули, некоторые даже потянулись к монетам — выкупить чудо, прежде чем оно исчезнет.

Я прекрасно знала эти церемонии, потому что в прошлой жизни именно на них и зарабатывала свои карманные деньги. Нам, художницам, приходилось сидеть до последнего, а потом Катэль жестом приглашал всех оставшихся расстелить перед ним свои картины и вышивки.

Слуги разносили подносы с чашами, чтобы угощать гостей согревающими напитками и закусками. Я отказалась, потому что в принципе не любила сбивать ритмы пищеварения, да, ко всему, ещё и стражникам обещала, что не стану тут ничего есть. Яори, бросив на меня косой взгляд, тоже не притронулся к предложенным яствам, зато Миран опрокинул в себя по меньшей мере три чашки с прозрачным содержимым, и теперь глаза его лихорадочно блестели. Что ж, в этой жизни он полностью повторяет себя прошлого: тоже любит выпить. Я тихо вздохнула, осуждающе покачав головой.

Тем временем Катэль пригласил мастериц живописи. Ханами и ещё несколько девушек вышли со своими картинами, раскрыли свитки и по очереди поднесли их принцу, а затем передали слугам, чтобы те обошли всех гостей. Стоит отдать должное таланту бывшей подруги. На том моменте,

когда наследному принцу показали живопись Ханами, у него загорелись глаза, и он попросил поднести свиток ближе.

— Катэль, конечно же, любит живопись, но во дворце свитки уже вешать некуда, — прошептал Яори, склоняясь так близко, что его дыхание щекотало мне висок. — Уверен, он выберет или пение, или ту мастерицу, что заваривала чай.

— Но там же дворец нарисован! — возразила я, припоминая место, откуда рисовала Ханами.

— И что? — со смешком ответил дракон, в глазах его плясали весёлые искры. — Представь себе, сколько однотипных картин ему приносят с видом... его же дворца. У Катэля, наверное, отдельное крыло для этих «оригинальных» даров.

Он откровенно забавлялся, уголки губ дрогнули, выдавая, что Яори наслаждается моей реакцией куда больше, чем самим действием у ложи наследного принца. Я же возмущалась больше за себя-прошлую, которая так усердно рисовала замок со всех ракурсов... Действительно, если припомнить ту жизнь, то лучше всего я заработала как раз на картинах совсем с другим содержанием... Портретах, натюрмортах и грифельных зарисовках деревень с дальних островов. Вот уж не смотрела на живопись с этой стороны.

Очередной звук гонга вернул мое внимание к центру площадки. Принц Катэль оглянулся на своего помощника и набрал в грудь воздуха.

— Мы видели чудеса звука и кисти, пение как у соловья и чайное искусство, согревающее душу, — начал он торже-

ственно, и голоса вокруг стихли, будто по его слову ветер замер среди ветвей. — Все девушки достойны похвалы. И всё же пришло время мне с помощниками выбрать лучший талант...

Катэль сделал паузу, чтобы передать слово мужчине в белом кимоно справа от себя, но в этот момент пространство дрогнуло от певучего, приторно-вежливого голоса Ханами:

— Ваше высочество, тысячу раз простите мою дерзость, — её шёлковые рукава коснулись земли, — я, конечно, недостойна и слова вставить рядом с вами, но смею умолять: разве справедливо говорить о завершении? Простите мою глупость и несдержанность, но ведь не все жемчужины сада ещё осмелились показать свой скромный блеск.

— Да? — На лице наследного принца мелькнула озадаченность.

У меня занял задний зуб в предчувствии, что эта ядовитая змея не придумала ничего хорошего.

Судя по всему, принц Катэль уже и сам устал от торжества и хотел бы отсюда уйти, но традиции — это традиции.

— В моём саду каждая леди имеет право показать свой дар, — его голос прозвучал громко, но возвышенно. — Никто не должен оставаться в тени, если боги вложили в руки хотя бы искру таланта. А все красивые барышни, как известно, одарены богами. Кто ещё постеснялся показать свой талант?

Яори поднялся на ноги и попытался сделать за моей спи-

ной какой-то знак Катэлю, но раньше, чем у него получилось это сделать, Ханами воскликнула:

— Ваше высочество! — Её голос звенел сладко, как струна сямисэна. — Моя прекрасная подруга ещё не выступала. — И она указала на меня.

Ловушка захлопнулась. На меня уставились десятки глаз. Даже те, кто только что тихо переговаривался или любовался сакурой, теперь повернулись в мою сторону. Ханами прижала веер к губам, скрывая улыбку, но я и без того чувствовала её торжество — холодное, сладостное, как яд змеи, свернувшейся под цветущей веткой.

«Не все жемчужины сада». «Моя прекрасная подруга»... Эти слова обвились вокруг меня словно путы.

Ханами очень ловко избежала слова «леди» и не стала называть меня по имени без постфикса «сан», тем самым до последнего не давая понять, что я не благородная девушка из павильона Зимних Слив, а простая тень огненного клинка.

Что же мне делать?

Признаться прилюдно, что у меня нет никакого таланта и я пришла сюда как тень, — опозориться, ведь только что обо мне говорили не как о будущем воине, а как о девушке. После такого ни один мужчина никогда меня не возьмёт за муж. Не то чтобы я хотела свадьбу в ближайшем будущем... но я планировала её **вообще**. После такого ко мне до конца жизни будут относиться как к убогой, проклятой богами.

Миран перестанет меня замечать вовсе, а значит, не будет

шанса его предупредить о вторжении Мёртвых Душ. Он не поверит и снова умрёт... И всё повторится. Всё напрасно!

Что же делать?!

Придумать талант прямо сейчас? Но какой? Я не играю на сямисэне, не пишу иероглифов на шёлке, не пою... Всё это Великая Прядильщица Судеб забрала в обмен на жизнь Мирана. Если я встану и пробормочу что-то невнятное, это будет ещё хуже, чем признаться честно.

А на Огненном Архипелаге красота и таланты — это не просто умение. Это благословение богов. Если девушка не может показать ни малейшей искры дара, значит, боги отвернулись от неё. Значит, в прошлой жизни она совершила что-то страшное и теперь кара настигла.

Я уже слышала в воображении шелестящий голос Ханами: «Зачем во дворце живёт девушка, на которую гnevаются сами боги? Такая принесёт несчастье».

Думай, Элирия, думай! Что делать?

Уйти?

Увы, уйти молча я теперь тоже не могла. Сотни взглядов пронзали меня. Эльфы, оборотни, придворные, сама свита принца... и Миран. Каждый из них видел меня сейчас. Если я попытаюсь скрыться — это будет оскорбление. Прямое, семье правящих драконов Аккрийских. Такой шаг перечеркнёт любую возможность остаться не то что во дворце, а на самом Огненном Архипелаге. А следовательно, жертва Великой Прядильщицы Судеб снова получается напрасной...

Я была прижата к стене. Загнанная в угол лиса, оказалась в ловушке между скалами и охотничьими собаками. Только вот в этот раз выхода в нору не было.

Катэль Аккрийский повернул голову, его взгляд на миг скользнул по моей коричневой форме с рыжим поясом, и я почти физически ощутила, как ему стало неудобно. Какие могут быть таланты у девчонки, ставшей тенью огненного клинка? Да никаких. Но пути назад у него не было — не пристало правящему дракону на празднике Цветения Сакуры прилюдно отказываться от своих слов. И ради кого? Ради какой-то лисицы из огненных клинков.

Внезапно Яори поднялся с циновки и шагнул вперёд, закрывая меня от взоров большинства, точно чёрная кисть, перечеркнувшая чистый лист.

— Ваше высочество, вы сегодня уже даровали всем нам слишком много благосклонности. Луна высоко, и, как кажется, силы гостей на исходе. Возможно, уже достаточно проявления талантов? Ведь даже самые восхитительные бутоны увядают, если их рвать слишком долго.

Тонко сказал и красиво. Он дал возможность и мне, и наследному принцу уйти из сложившейся ситуации без потери лица. Мне даже показалось, на лице Катэля промелькнуло мимолётное облегчение. Очевидно, он тоже не хотел получить никаких истерик и слёзных сцен на празднике, куда явились соседи-эльфы, до конца не разбирающиеся в тонкостях драконьего дворцового этикета.

Ханами опустила веер. Ей даже не понадобилось ничего говорить, по одному её довольному лицу я поняла, чего она ждёт: что я побледнею, начну мямлить про отсутствие талантов и опозорюсь перед всем Огненным Архипелагом. Чтобы завтра обо мне шептались по углам. Чтобы Миран перестал видеть во мне девушку.

Размечталась.

Я резко поднялась. В груди колотилось сердце, а в голове стучала лишь одна мысль: «Если меня толкают к краю обрыва — я прыгну сама».

— Ваше высочество, — принцу Катэлю я поклонилась так, как не всякая знатная леди умеет, — позвольте и мне показать дар, каким благословили меня боги.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.